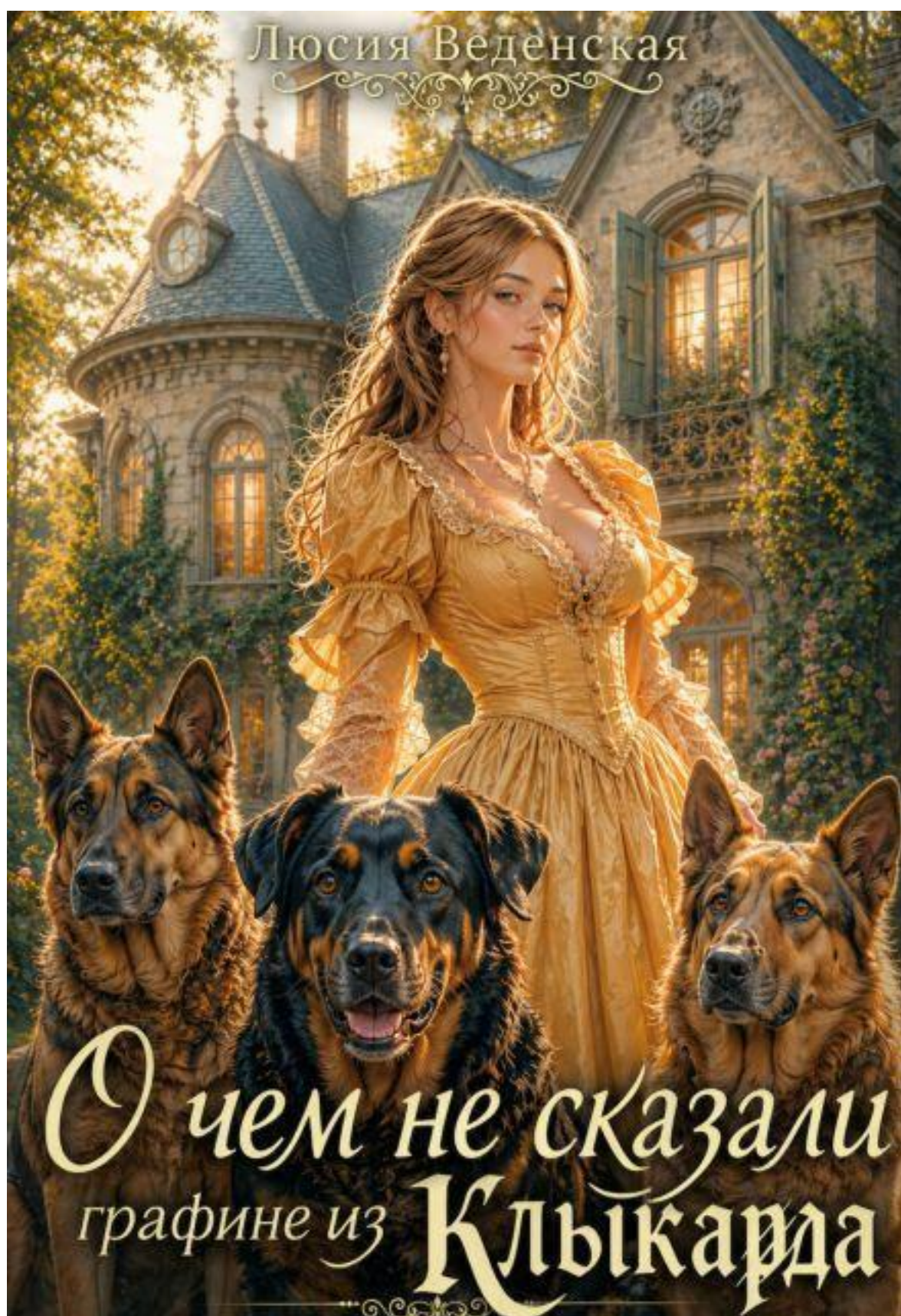

Люсия Веденская

О чем не сказали
графине из Клыкарда

Люсия Веденская

**О чем не сказали
графине из Клыкарда**

«Литнет»

2025

Веденская Л.

О чем не сказали графине из Клыккарда / Л. Веденская —
«Литнет», 2025

Дополнительная СКИДКА по промокоду ОТДЫХ10 Когда ветеринара Асю Коваль вызвали на дом к подозрительно ручному волку, она еще шутила, что отличить собаку от хищника может с закрытыми глазами. Шутка быстро перестала быть смешной: очень скоро после укуса девушка потеряла сознание, а очнувшись викторианской графиней. Теперь она — Эллинора фон Клыккард, молодая аристократка с континентальными корнями и звучной фамилией, осевшая в глухом английском поместье. В новом теле и слишком «старом» времени Асе предстоит разобраться с особняком Мунхолл, предстоящей свадьбой по расчёту, управлением округом Клыккард и тремя подозрительно умными псами, у которых явно есть своё мнение о новой хозяйке. А еще подружиться с подозрительным охотником, который, кажется, не очень доверяет самозванке. А еще вокруг начинают всплывать слухи о необычных волках, исчезновениях людей и других странностях под светом луны. Так появляется еще один вопрос: неужели оборотни все-таки существуют? Может, Асе стоило все-таки проверить, был ли тот волк привит?*** В тексте есть: #попаданка-ветеринар и немного медицины #поиск клада #верность и преданность настоящей любви #трое умнейших псов, а также огромная псарня и конюшня #ХЭ #удивительные превращения

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Надзирательница для графини	10
Глава 2. Жених слишком долго ждал	14
Глава 3. Таинственный... конюх? Охотник? Поклонник?	18
Глава 4. Ветеринар с навыками переговорщика	21
Глава 5. Серебром девушку нужно не пытаться, а одаривать	25
Глава 6. Графиню учат плавать	30
Глава 7. Все дороги ведут на ярмарку	34
Глава 8. Усы, лапы и хвост — вот и все документы	39
Глава 9. Волк — это тоже дама, если хорошо воспитан	44
Глава 10. Ночная школа оборотней	47
Глава 11. На четвереньках по Клыкардскому саду	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Пролог

Когда ветеринара Асю Коваль вызвали на дом к подозрительно ручному волку, она еще шутила, что отличить собаку от хищника может с закрытыми глазами. Шутка быстро перестала быть смешной: очень скоро после укуса девушка потеряла сознание, а очнувшись викторианской графиней.

Теперь она — Эллинора фон Клыккард, молодая аристократка с континентальными корнями и звучной фамилией, осевшая в глухом английском поместье. В новом теле и слишком «старом» времени Асе предстоит разобраться с особняком Мунхолл, предстоящей свадьбой по расчёту, управлением округом Клыккард и тремя подозрительно умными псами, у которых явно есть своё мнение о новой хозяйке.

А еще вокруг начинают всплывать слухи о необычных волках, исчезновениях людей и других странностях под светом луны.

Так появляется еще один вопрос: неужели оборотни все-таки существуют? Может, Асе стоило все-таки проверить, был ли тот волк привит?

В тексте есть:

#попаданка-ветеринар и немного медицины

#поиск клада

#верность и преданность настоящей любви

#трое умнейших псов, а также огромная псарня и конюшня

#ХЭ

#удивительные превращения

— Анастасия Александровна, можно вас на минутку?

Я подняла голову от карточек. Катя, наш администратор с лицом ангела и даром тревожить, только когда действительно надо, стояла у двери и выглядела так, будто собиралась вручить мне премию или собственноручно отправить в самое пекло ада. И, насколько я знала, премии в ближайшее время не предвиделось.

— Только если не про чихуахуа с «травмой». Я уже объясняла, что это не перелом лапы, а просто хозяйке больше не стоит пытаться делать собаке декоративный маникюр.

— Нет, там срочный выезд. Очень важный клиент. Генеральный директор просит лично, — Катя понизила голос, как будто шептала о высших силах.

— Важный настолько, что собака сама позвонила?

— Почти. Крупный пес, возможно, перелом. Обездвижен, стонет. Хозяин просит ведущего хирурга. Указал, что был у вас на приеме, правда, лет пять назад. Запись действительно есть в базе, но вроде с другим питомцем.

Ну конечно, почему бы не вспомнить меня через полдесятилетия? Я, конечно, не рок-звезда, но, видимо, мои визиты тоже запоминаются надолго.

— Он сможет довезти животное в клинику?

— Нет. Пес слишком большой. Или слишком больной. Или и то и другое.

Я бросила взгляд на планшет: капельницы всем пациентам капают, кастрат-доберман дремлет, у кота с запором, наконец, появились перспективы облегчения без хирургического вмешательства.

— Ладно. Давай адрес и соберите аптечку. И сразу скажи, я не рентген на ножках, я просто ветеринар. Могу погладить, поставить обезболивающее и погрозить пальцем. Больше только при свете ламп в клинике и с достаточным уровнем кофеина в крови.

Через десять минут я уже сидела в машине, прокручивая в голове стандартный сценарий: испуганный хозяин, жалобно повизгивающий пес, а потом перелом оказывается ушибом, и все, включая собаку, стыдливо избегают зрительного контакта с врачом.

Двор, куда меня отправили, оказался как из рекламного ролика: мощеная дорожка, фонари в стиле «французский особняк с привидениями», стеклянные двери, сад и вольер с большой буквы. Не в смысле клетка с сеткой-рабицей, а настоящий архитектурный объект с крышей, площадкой, лесенкой, деревом, тенью и даже, прости господи, видом на озеро. Я, кажется, видела гостиничные номера сильно скромнее.

— Это у вас собачка, да? — пробормотала я, открывая заднюю дверь машины. — Или все-таки барон-охотник в отставке?

Владелец стоял у калитки, встречая меня почти с поклоном. Высокий, под сорок с хвостиком, темноволосый, подтянутый, одним словом, реклама шампуня и дорогого одиночества. Только взгляд выдавал — не до флирта. Явно волновался, да еще как.

— Спасибо, что приехали, Анастасия Александровна. Простите, что вот так срочно. Но он с утра не поднимается. Лапу поджимает, дышит тяжело. А он обычно такой бодрый, — мужчина запнулся, словно опасался, что я заподозрю его в панике, хотя она и без того светилась предупреждающими знаками в каждом его движении.

Я кивнула и направилась к вольеру. Тот открылся с тихим щелчком, и тут же из глубины донесся низкий гортанный звук — не рычание, а больше похожее на хрип или стон.

— Как зовут пациента? — спросила я, присаживаясь рядом, нащупывая в сумке перчатки.

— Роул. Это... он у нас давно. С детства.

Роул. Красиво, загадочно. Идеальное имя для собаки, которая на самом деле — внезапно — *волк*.

Я замерла.

— Так, — медленно сказала я, — это ведь не маламут, да?

— Он крупный, да. Порода смешанная. Сибирские корни. Или северные. Ну, он у нас ручной, абсолютно.

«Конечно. Как и медведи в цирке», — огрызнулась я, но вслух решила ничего не говорить.

Роул лежал, вытянув передние лапы, и внимательно следил за мной желтыми глазами. Я, не теряя достоинства, аккуратно подошла, опустилась на колени сбоку. От волка шел жар, шерсть на груди слегка взъерошена, дыхание было шумное, но ритмичное.

— Привет, красавец, — пробормотала я, протягивая руку в перчатке для знакомства. — Сейчас мы посмотрим, что с тобой. Без фокусов, ладно?

Он моргнул. Не рыкнул, не отпрянул, не попытался встать — просто моргнул. Я осторожно прощупала переднюю лапу. Сустав действительно чуть припух, но никакого перелома на ощупь не было. Возможно, вывих. А может — просто ушиб, который мог бы пройти и сам, но был раздут до размеров катастрофы из-за тревожной любви заботливого хозяина.

Я уже собиралась сказать это вслух, как вдруг — щелк.

Это произошло быстро, почти незаметно. Роул, казалось, даже не двинулся, просто резко повел мордой и прижал челюсти к моей руке. Не сильно, не до кости, но вполне отчетливо, до крови.

— Ах ты ж мать твою, — выдохнула я, отдергивая руку, которую волко-пес тут же отпустил.

Хозяин подскочил, как будто его током ударило.

— Он никогда! Простите! Я... — он растерянно выхватил из кармана ключи от машины, распахнул вторую дверцу в вольер и оказался рядом, ясно собираясь транспортировать меня в неотложку быстрее, чем я успела осмотреть укус.

Я подняла запястье к лицу. Отделалась парой проколов, несколькими каплями крови, чуточкой боли и щедрой порцией адреналина. Не самое страшное из того, что меня кусало за эти годы, но и не самое милое.

— Ничего. Просто дайте аптечку, — я вздохнула и поджала губы. — И, надеюсь, он привит?

Мужчина побледнел:

— Конечно! Конечно, он привит.

— Ну, тогда будем считать, мы оба просто понервничали. И пожелаем друг другу не бешенства.

Аптечка у них, как и вольер, была шикарная. Даже на стерильных салфетках явно не сэкономили, и перекись хранилась в темной стеклянной бутылке с винтажной этикеткой, как будто я залезла в аптеку прошлого столетия. Словно волк укусил меня *тами тогда*, а не в Подмоскovie в двадцать первом веке.

— Не волнуйтесь, — сказала я, ловко промакивая укус. — Повезло, что проколы неглубокие. Сильнее повредилась моя гордость, чем кожа.

— Я... он правда так себя никогда не вел. Не знаю, что случилось, видимо, лапа все-таки мешает.

— Конечно, — кивнула я, отрывая пластырь зубами. — Да и многие мои пациенты в первый раз кусаются.

Бинт оказался чуть шире, чем надо, и я завернула его вокруг запястья ленивым витком, больше чтобы не заляпать куртку, чем по медицинской необходимости.

— С лапой все не так плохо, как может показаться. Ушиб, может быть, растяжение. Вы пока не волнуйтесь, просто следите. Легкая разминка суставов пару раз в день, по десять минут, без фанатизма. Если будет хромать через три дня — везите в клинику, сделаем КТ. И вот, — я достала из сумки блистер, — обезболивающее на ближайшие сутки-двое. Пища по расписанию, никаких изменений.

Он выслушал все это так внимательно, как будто я вручала ему рецепт на воскрешение.

— Спасибо. Огромное. А с рукой вы уверены, что все в порядке?

Я вскинула брови:

— Поверьте, меня кусали за свою жизнь *гораздо* менее обаятельные создания.

Он рассмеялся, я нет, потому что боль все-таки начинала отдаваться пульсацией в пальцах, ну и потому что, кажется, с симпатичными заказчиками я закончила флиртовать еще в году эдак две тысячи девятнадцатом.

— Всего доброго, — сказала я, закидывая сумку в багажник. — И, пожалуйста, проследите за прививками. Серьезно.

— Конечно. Простите еще раз.

Я кивнула и села в машину. Пока заводила, мельком глянула в зеркало. Роул все так же лежал в вольере, слегка приподняв голову, и смотрел в мою сторону. Не хищно, не испуганно, скорее осмысленно. Как будто он понял каждое слово, сказанное за последние пятнадцать минут. Меня передернуло или от взгляда волко-пса, или от того, как быстро солнце село за деревьями. Было всего пять вечера, а небо уже подернулось серым.

«Осень, — подумала я. — И, видимо, день, когда нельзя отпускать сарказм гулять в одиночестве, без него явно не справиться».

В клинике оставалось отдежурить всего пару часов. Я успела проконтролировать результаты операции у кошки с инородным предметом в желудке (она зачем-то съела колесо от заводной игрушки, но уже шла на поправку), прописать курс капельниц для бигля с больными почками и даже выпить чай — правой рукой, потому что левая теперь гордо носила модный белый манжет.

— Что, моду на бинты вводим? — усмехнулся один из терапевтов, завидев меня в ординаторской.

— Только эксклюзив. Ограниченная коллекция «волчьи зубки», — ответила я, делая глоток.

К девяти вечера я выехала домой. Было холодно, дорога оказалась пустой, а настроение — странным. Не тревожным, не слишком усталым, просто каким-то подвешенным.

«Наверное, просто хочется выгулять кого-нибудь близкого, — подумала я, — и чтобы он не кусался».

Жаль, что выгуливать было некого. Мой старенький алабай Трой умер полгода назад, и я до сих пор не собралась взять кого-то нового. Его вольер так и стоял нетронутым во дворе, будто ждал чего-то, на что я не могла решиться.

Дом встретил меня тишиной, поскрипыванием половиц и уютным запахом чая с бергамотом, который я зачем-то оставила на подоконнике с утра.

Я скинула куртку, кроссовки и, не включая свет, по инерции прошла во двор. Как будто знала, куда и зачем иду. На улице уже стемнело, но не было ни холодно, ни жутко. Просто слишком пусто.

Вольер Троя стоял на своем месте. Чуть поскромнее, чем у сегодняшнего *почти-волка*, но вполне достойный: просторная зона с навесом, утепленная будка — та самая, которую мы с отцом собирали по выходным, когда Трой был еще щенком. Большим, упрямым, немного несуразным щенком, который вырос в того самого уверенного пса, которому я доверяла больше, чем большинству людей.

Сейчас в вольере было чисто, аккуратно, как будто собака просто ненадолго ушла и вот-вот вернется. Я невольно поискала глазами знакомый силуэт, хотя знала, что его нет. И уже никогда не будет.

Подошла ближе, отперла дверь и хлопнула ее за собой.

В будке по-прежнему оставался старый лежак, скатанный в ком, и плед, который я не решалась ни выбросить, ни постирать. Все пахло Троем, как будто он все еще спал здесь каждую ночь.

Я провела рукой по деревянной крыше будки, такой гладкой и немного потемневшей от времени. Это было наше с ним место для вечернего ритуала: я приходила, садилась на край, он ложился рядом, прижимал морду к моей ноге, а я чесала его за ухом и рассказывала, как прошел день.

— Ты бы этого волка, кстати, не одобрил, — пробормотала я. — У него подозрительный взгляд. И зубы слишком острые.

Тишина, как всегда, ничего не ответила. Только мягкий ветер пошевелил забор и сорвал с разросшейся вишни пару пожухлых листьев.

Я осталась стоять, глядя в темноту. Потом, сама не зная зачем, снова положила ладонь на крышу будки. Просто так, чтобы хоть ненадолго прислониться к ней. Почувствовать, будто Трой все еще рядом.

И тут что-то словно выбило воздух из легких. Пространство качнулось. Небо стало слишком черным, земля — слишком мягкой. И в тот момент, когда я поняла, что теряю равновесие, смогла только попытаться опереться второй рукой на край будки. Но не успела.

Мир стушевался, как мокрая акварель. Все медленно отплыло в сторону. И тишина стала совсем другой, накрыв меня с головой.

Глава 1. Надзирательница для графини

Сначала я решила, что меня снова укусили и я потеряла сознание от боли. Ну, правда, других объяснений тому, почему я лежу на земле среди сухих листьев, пока не придумалось. Все тело ломило, в голове стучало так, будто внутри поселился разъяренный дятел, а воздух пах деревом, прелой хвоей и почему-то медом. Я медленно пошевелила пальцами, нащупала под ними листья. Шуршащие, сухие, как осенью. Очень странные листья для вольера, честно говоря. Мне он касался идеально чистым...

Я на автомате попыталась встать, но тут же со всем энтузиазмом рухнула обратно — запуталась в какой-то ткани. В большом количестве ткани. Слишком большом. Я опустила взгляд, пытаюсь определить виновника моей неустойчивости, которым оказалось платье.

Но не просто платье, это было самое настоящее нарядное платье из сказки про диснеевских принцесс, с кружевами, рюшами, рукавами-фонариками и бог знает чем еще. Цвета горчицы с лимоном, с маленькими вышивками и пуговичками, которые наверняка расстегиваются только доброй магией или настоящим проклятием.

Медленно, теперь уже очень медленно, я села и уставилась на свое тело, как на что-то совсем незнакомое. На мне не было ни джинсов, ни кроссовок. Волосы длинные, спутанные и явно не мои. Руки вроде бы мои, но какие-то слишком тонкие. И кожа светлее, почти фарфоровая.

Секундочку. Это что, галлюцинации? Кома? Почему я не в себе?

Переутомление? Последствия укуса? Запоздалый психоз на фоне горя? Или я умерла и попала в загробный мир, где все обязаны выглядеть, как диснеевские принцессы, но с легким похмелем?

Я попыталась потрогать лицо. Оно тоже было другим. Чужим. Слишком мягким, без знакомого маленького шрама у виска, который я заработала на втором курсе, когда влетела в дверцу шкафчика, спасая хорька.

Великолепно.

— Ася, — сказала я себе вслух. — Ты либо спишь. Либо в коме. Либо, что логичнее, у тебя сдали нервы, и ты теперь бредишь викторианским бальным платьем.

Мне бы, конечно, начать паниковать, но я выбрала тактику «сначала разбираемся, потом орем», поэтому просто выдохнула, аккуратно откинула с себя пышный подол и, наконец, осмотрелась.

И вот тут началось самое интересное.

Вокруг меня раскинулся лес. Настоящий, огромный, вплотную подступающий к поляне, на которой я очнулась. Не парк, не дачные заросли — лес, такой, в котором можно заблудиться, погибнуть и стать главной героиней странных новостей. Деревья высокие, раскидистые, местами увитые плющом. Где-то щебетали птицы. Где-то хрустнула ветка.

Я судорожно посмотрела на свои ноги. В лесу я оказалась босиком. Прекрасно. Платье по-прежнему на месте, но все действительно, как в самом нелепом сне. Надеюсь, хоть маникюр тут можно будет поправить.

Но прежде чем я успела всерьез задуматься о природе происходящего — или хотя бы поискать палку, чтобы использовать ее как волшебную (или оборонительную) — из-за кустов раздалось глухое рычание, как только я предприняла очередную попытку встать.

Я замерла на месте.

Кусты раздвинулись, и на поляну вышел пес. А потом еще один. И еще.

Я даже не вскрикнула, просто села на пятую точку обратно и застыла. Потому что это были не просто декоративные собаки. Это были огромные, ухоженные, очень серьезные существа.

Первый — почти точная копия немецкой овчарки, только заметно крупнее и с глазами, полными печальной осмысленности. Второй — тоже овчарка, но с изломанным ухом и необычной светлой отметиной на груди. Третий вообще был как будто из другого комплекта: помесь зенненхунда с лошастью. Черно-рыжий, тяжелый, с упрямым взглядом.

Все трое остановились в нескольких метрах от меня, не приближались, но и не отходили.

— Привет, — хрипло сказала я. Ответом мне послужило молчание, прерываемое глухим рыком. Рычал, кажется, зенненхунд. — Я не знаю, кто из нас сошел с ума, но если вы галлюцинации, то вы, черт побери, очень реалистичные.

Тот, что с отметиной на груди, прищурился. Мне показалось, что он даже закатил глаза.

— Ну прекрасно, — пробормотала я. — Даже воображаемые псы мной недовольны.

Я встала, стараясь действовать очень медленно и не распугать эту мини-стаю. Платье цеплялось за все, что только могло, но в итоге я все-таки приняла вертикальное положение. Хотя, справедливости ради, положение это было незавидным. Вроде живая — это плюс. В сознании, что не факт, поэтому ни плюс, ни минус. Босая в диком лесу в окружении трех не самых доброжелательных собак — это явный минус.

Они меня, кстати, похоже, ждали. Когда я только сделала шаг, они тут же двинулись за мной. Уже не рыча, но и не приближаясь слишком близко, просто сопровождая.

— Ну... ведите, — буркнула я. — Кто тут у нас проводник в этой дурной сказке?

Теперь псы пошли впереди, я — следом.

А минут через десять за деревьями показалась крыша. Потом — башенка. Потом целый особняк. Огромный, с каменными стенами, увитыми плющом, с высоким крыльцом, с фонарями, похожими на газовые. Где-то внутри горел свет.

— Ну да, конечно. Замок. А где дракон? — прошептала я, глядя вверх. И в этот момент дверь этого дворца распахнулась, на пороге появилась женщина: высокая, сухошавая, с идеально собранными волосами и выражением лица, которое говорило: «У меня нет времени на глупости, ни у кого нет времени на глупости».

— Миледи, — произнесла она, чеканя каждую букву. — Вы опаздываете. Лорд уже ждет.

Я недоуменно моргнула:

— Лорд?..

— Разумеется, — кивнула она, как будто я задала вопрос из категории «а что такое воздух». — Негоже заставлять жениха дожидаться. Особенно в вашем положении.

Жених... Жених? Реально жених?! О чем она вообще?

— Простите, *кого* дожидаться? — начала я, но женщина не слушала.

Она уже шагнула ко мне, легко и уверенно беря меня под локоть. Ее пальцы были прохладными и крепкими: не то чтобы я собиралась вырваться, но теперь точно не смогла бы.

Тут же начала щелкать языком, что-то бормотать — видимо, в мою сторону — и срыгивать с меня листочки, веточки и клочки мха, как будто я была не девушкой, а бесчувственным декоративным кустом.

— О господи, кто вас в лес пустил в таком виде? Миледи, ваши волосы... — она выдернула из них особенно живописный комочек сухой травы. — Хотя... — и тут она чуть прищурилась, — судя по взгляду, вы и сами не знаете толком, зачем туда пошли.

— Ну, не совсем... — начала я.

— Тише, миледи, не портьте прическу разговорами. Я понимаю ваше желание сбежать в компании Артура, Брута и Салли, но все-таки, он же ваш жених, нужно быть терпимее и уважительнее.

Сзади послышался хруст, я обернулась. Собаки, все трое уже сидели в ряд, как на параде, и смотрели на меня. Один из них даже наклонил голову, будто задаваясь вопросом, какого лешего я тут устроила такое представление. Видимо, именно они и были Артуром, Брутом и Салли. Хотя мне очень хотелось назвать эту троицу Рикки, Тикки и Тави, уж очень они напоминали мне мангуста из самого любимого в детстве мультика.

Женщина закончила мою мини-чистку, отряхнула подол платья, практически отшлепав меня, как провинившуюся школьницу, будто имела на это полное моральное право, и произнесла:

— Вам нужно срочно освежиться и привести себя в порядок. Лорд Равенби уже довольно давно ждет вас.

Я вздрогнула:

— Равенби?

— Разумеется. Вам следовало помнить, миледи, о его визите. Ведь помолвка была вашим решением.

Мало того, что я то ли умерла, то ли уснула непробудным сном, так еще даже с такой незавидной судьбой фантазия продолжила издеваться надо мной и подсунула мне жениха, с которым мы уже объявили о помолвке. Ох, как бы порадовались девочки из интенсивной терапии, они-то меня уже пару лет пытались с кем-нибудь сосватать...

— Простите... э-э... — я запнулась. Не звать же ее «женщина с хищным взглядом».

— Миссис Ротт.

— Ну, да, конечно, Миссис Ротт. А не могли бы вы... э-э... проводить меня и дать пару минут наедине с собой? — я попыталась изобразить вежливую уверенность, но прозвучало это примерно, как «можно я убегу в шкаф и поплачу над старым веником».

Миссис Ротт посмотрела на меня так, будто я попросила не минуты уединения, а чаю с мышьяком.

— Миледи желает уединиться? — переспросила она, чуть вытянув губы.

— Ну, я просто не очень уверена, что хорошо выгляжу, и... это платье, оно, ну...

— Превосходно сидит, как всегда.

— Спасибо, но я бы... может, переделась? Освежилась? Умылась?

Она кивнула, но так медленно, как будто соглашалась только потому, что спорить лень.

— Разумеется. Комната миледи все также в западном крыле. Но вы ведь сами знаете: самостоятельно переодеться вы не сможете. Не с вашими... — она бросила на меня быстрый взгляд, явно подразумевая «отсутствием сноровки, умения и вообще аристократической жилки», но вслух сказала другое, — корсетами, пуговицами и подъюбниками.

Я глупо переспросила:
— Подъюбниками?

— Их три. Сегодня не холодно, но миледи же всегда предпочитает быть готовой ко всему.

— Конечно, кто же не предпочитает надеть на себя полшкафа ради уверенности...

Я выдохнула. Да, галлюцинация явно не собиралась рассеиваться. Никаких вспышек света, выхода из тела, возвращения в свой мир и утешительных слов от врача: «Вы только что вышли из комы, держитесь». Только миссис Ротт с лицом, которое, кажется, могло отполировать серебро просто суровостью.

— Хорошо, — сказала я, собирая остатки самообладания в кулак. — Проводите меня. Я хотя бы умоюсь. А переодеться... поможете, раз уж так.

— Безусловно, миледи, — ответила она с идеальным поклоном, в котором сквозил намек на вечное терпение и легкое презрение. И добавила уже вполголоса, — Хотелось бы, чтобы на свадьбу вы не явились с веткой в волосах.

Я промолчала: только мысленно сказала себе:

«Ася. Ты справишься. Ты уже вытаскивала щенка лабрадора из люка, зашивала ногу лосю и встречалась с родителями своего бывшего после расставания. Значит, и с этим справишься. Точно справишься».

Подбадривая себя, я и побрела за миссис Ротт, которой впору было бы стать надзирательницей в какой-нибудь тюрьме...

Если вы хотите почитать про попаданку, но в современных реалиях и с минимумом магии, приглашаю вас в другую новинку «Ключ от чужой жизни»: <https://litnet.com/shrt/PD8B>

Эта история начинается с аварии и невозможного развития последующих событий. Да, эта книга о жизни после смерти, но не спешите ждать чудес. Все «вошебное» здесь ограничивается завязкой сюжета. Одна-единственная капля фантастики в большом, глубоком океане очень реальной жизни.

Глава 2. Жених слишком долго ждал

Миссис Ротт все-таки соизволила оставить меня в покое, вернее, после всех издевательств надо мной вышла из комнаты с таким видом, будто лично выдрессировала меня на послушание. На прощание она еще раз поправила мне корсет (у меня, кстати, по ощущениям, ребра теперь оказались в два раза ближе друг к другу) и уверила, что вернется за мной через пять минут.

Пять минут. Пять минут на то, чтобы свыкнуться как минимум с четырьмя новыми фактами о моей жизни.

Во-первых, я в чужом теле. В чужом времени, в чужой реальности. В общем, где угодно, но точно не в себе — во всех смыслах.

Во-вторых, я явно в каком-то викторианском особняке. Конечно, с историей я не сильно дружила, но и современностью вокруг меня не пахло.

В-третьих, меня есть жених. С титулом. И, кажется, я его должна поприветствовать.

В-четвертых, на мне три подюбника. Я проверила.

Я села на краешек кровати. Она, к слову, была не просто кроватью, а целой королевской резной фантасмагорией с балдахином, бархатными подушками и покрывалом, которое стоило, наверное, как вся моя клиника. Или хотя бы как полтора месяца аренды за нее.

— Ну и куда тебя занесло, Коваль? — пробормотала я, уставившись на идеально полированный паркет.

Окно было приоткрыто, в комнату проникал свежий воздух и доносился тихий далекий лай. Наверняка мой почетный караул. Рикки, Тикки и Тави. Артур, Брут и Салли, если официально. О том, что Тикки, он же Брут, был так болезненно похож на Троя — взглядом, терпением, походкой — думать сейчас не хотелось.

Я глубоко вдохнула и попыталась вспомнить, как именно попала сюда. Последним, что я помнила до провала в сознание, была будка моего старого алабая и тихая тоска. Потом — провал. А теперь я в чужом теле, и мне предстоит встреча с лордом, которого я якобы выбрала в женихи. Великолепно.

Я поднялась осторожно, чтобы ничего не наступило мне на ноги изнутри платья, и подошла к зеркалу.

Лицо в зеркале оказалось вполне моим. Возможно, чуть более красивым и утонченным, с огромными и сейчас испуганными глазами и длинными ресницами, но все же — довольно узнаваемым. Волосы теперь мне принадлежали темные, гладкие, заплетенные в сложную прическу с кучей шпилек, но цвет и текстуру я вроде даже узнавала. Шпильки я даже не попыталась их вытащить — живьем бы осталась без скальпа.

— Здравствуй, Элинора, — сказала я, глядя на себя. — Очень приятно. Ну, наверное.

А потом дверь распахнулась без стука, и в комнату вернулась миссис Ротт, четкая, как швейцарский часовой механизм. Уверена, что прошло ровно пять минут, ни секундой больше, ни секундой меньше. Она склонила голову в легком поклоне, в котором читалась вечная неудовлетворенность жизнью, и произнесла:

— Миледи. Лорд Равенби ожидает вас в малой гостиной.

Да уж, рядом с ней я чувствовала себя скорее запуганной подчиненной раздражительного бизнесмена, чем гордой графиней. Я хотела сказать, что пока не уверена, что могу пройти хотя бы по коридору, не споткнувшись об нижний слой платья. Но не сказала. Не решилась перечить, просто кивнула. Если это и сон, пусть он развивается, как получится.

Мы шли по длинному коридору, мимо портретов с суровыми леди в шляпках и джентльменов с бакенбардами, пока наконец не добрались до тяжелой двери, перед которой миссис Ротт остановилась и с каменным лицом сказала:

— Соберитесь, миледи. Не стоит заставлять мужчину ждать. Тем более, такого. Она постучала и тут же распахнула створку.

— Лорд Равенби, — произнесла она, — миледи Эллинора готова вас принять.

О да. Готова. Как операционная на карантине — совсем не готова.

Дверь распахнулась, и меня будто окатило духами, нафталином и смутным ощущением, что я случайно зашла на съемки очень старого костюмированного фильма.

У камина стоял мужчина. Вернее, лорд, как следовало понимать. Ростом чуть ниже меня, несмотря на прямую спину. В дорогом фраке с серебряной вышивкой, с тростью, на которую он опирался с театральной грацией. В одной руке — бокал, в другой — монокль, который он зачем-то приподнял, хотя и так смотрел в мою сторону. Лицо у него было старое: не просто «в возрасте», а именно старое, с благородными морщинами, уморительно розовыми щеками и белоснежными усами, подкрученными, как у магната из рекламы масла начала двадцатого века.

— Миледи Клыкярд, — протянул он с той интонацией, которой обычно заканчивают сонет о любви и смерти.

У меня дернулся уголок губ. Потом второй. Потом я коротко хрюкнула. А потом засмеялась — громко, искренне и совсем не по-аристократически.

— Простите, простите, — выдавила я сквозь смех, прикрывая рот рукой. — Просто... Клыкярд. Это так звучит! И вот это — «миледи Клыкярд». Как будто я не человек, а персонаж комикса про благородную собачницу в корсете!

Лорд Равенби улыбнулся. Нет, действительно улыбнулся. Медленно, вальяжно, как будто собирался запеть баркаролу.

— Ах, графиня, — сказал он, делая шаг ближе, — ваше чувство юмора так свежо. В мире, полном скучных и жеманных барышень, вы как глоток шампанского на рассвете. Впрочем, как всегда.

«Как всегда?!» — мысленно переспросила я. Что значит «как всегда»? Неужели эта версия меня явно была знакома со старичком дольше, чем мне бы хотелось?

— Вы простите, я просто немного растеряна, — выдохнула я. — День вышел непростой.

— Разумеется, миледи. И все же вы прекрасны, как рассвет в Сассексе, — он галантно поклонился и поцеловал мою руку, почти не дотронувшись губами до кожи, но все равно как-то слишком скользко и мокро. — Мои поздравления: вы, как всегда, превзошли саму себя. Даже ваши нежные смешки сегодня звучат особенно музыкально.

Смешки? Музыкально?!

У меня снова дернулся рот. На этот раз в нервном тикообразном движении.

«Так, Ася, сосредоточься. Он стар и галантен. Он очень хочет, чтобы ты была та самой графиней. Значит, пока ты не понимаешь, как отсюда выбраться, улыбаемся и машем.

— Благодарю вас, лорд Равенби, — произнесла я с тем тоном, которым обычно благодарила владельцев капризных ротвейлеров за то, что те все-таки соизволили вовремя явиться на прием. — Мне... очень приятно видеть вас.

— Ах, Эллинора, ваше очарование способно растопить даже мое престарелое сердце, — он слегка покачал тростью, как дирижер палочкой, и добавил с мечтательной интонацией, — признаюсь, я уже начал волноваться, не передумали ли вы. Но теперь вижу — вы просто играли в недостижимую нимфу. Ах, как тонко.

Я моргнула.

Он действительно думал, что я играла в нимфу?! Да если бы собаки не вывели меня к цивилизации, я бы уже в лесу успела еще пару раз упасть, заплакать, съесть мох, представляя себя оленем, и бесконечно кричать в небо: «Верните меня домой, у меня смена послезавтра!» Нимфа в моей голове получалась так себе...

— Ну, знаете, — я натянута улыбнулась. — Иногда лучше немного задержаться, чтобы успеть все как следует обдумать.

— Как мудро. Именно за эту вашу зрелость я вас и ценю, миледи Клыккард.

И вот тут я снова не выдержала. Потому что как только он произнес мою новую фамилию вслух — с тем же придыханием, с каким влюбленный юноша говорит «Маргарита» на фоне лунного неба — у меня в голове самопроизвольно включился «В джазе только девушки».

Сцена с Осгудом Филдингом Третьим, где он в белом костюме, с выражением влюбленного моржа, произносит: «У каждого свои недостатки».

Я чуть не повторила это вслух, едва-едва удержалась. Лорд Равенби же, похоже, решил, что я тронута до глубины души, и, счастливый, подвел меня к дивану у камина.

— Позвольте вам предложить чаю, миледи. И, быть может... пару ласковых слов?

Я села, улыбнулась и снова мысленно сказала себе:

«Ася, ты графиня. У тебя псы, платье, помолвка и галлюцинация. Придется держаться».

Я устроилась в кресле, стараясь выглядеть естественно. Насколько вообще можно выглядеть естественно, когда на тебе платье с подъюбниками толщиной в батут, а напротив сидит пожилой ухажер, излучающий томную романтичность, как старый радиоприемник — помехи.

«Так. Не паниковать. Паника — враг. Паника — это когда ты начинаешь орать, швыряться фарфором и требовать наркоз. А нам такого не надо даже в галлюцинации. Значит, придется мыслить логически».

Я глубоко вздохнула, сложила руки на коленях, хотя платье не позволяло это сделать без иллюзии, что я вяжу что-то спицами под юбкой, и начала мыслительный процесс.

Что ж, если я в коме — нужно искать зацепки. Что-то, что может разбудить меня, как в фильмах. Запахи, звуки, прикосновения. Я попыталась во всех красках представить, как мозг цепляется за какую-нибудь ассоциацию и — бац — возвращение в мое привычное нормальное современное тело в удобных джинсах.

Кроме того, если это все сон или бред, желательно не портить себе репутацию. Даже в фантазии лучше быть графиней, чем попасть в местную психбольницу или, не дай бог, оказаться под подозрением в ведьмовстве. Судя по платьям, тут это может быть еще в моде.

Ну, и, конечно, надо подыгрывать. Вести себя вежливо, аккуратно. Вдруг я сплю, и сценарий сна в случае кучи ошибок заведет меня в какой-нибудь хоррор? Или хуже: вдруг я не сплю. Вдруг я умерла, и все это какая-то сюрреалистическая посмертная квест-локация? Тогда нужно пройти испытание с честью...

— Миледи Клыккард... — проникновенно произнес лорд Равенби, и я подскочила внутренне, как будто услышав сигнализацию.

Он все еще держал чашку, ловко при этом удерживая монокль на лице. Кажется, он просто родился с ним в глазу.

— ...вы кажется необычайно задумчивой этим вечером. Позвольте осведомиться — все ли в порядке?

— Да, да! — я слишком бодро махнула рукой и чуть не расплескала чай. — Просто размышляю.

— О вечном?

— Почти, — о возврате в свое тело, например. — Просто слишком много впечатлений. Лес, собаки, платье. Жизнь графини, знаете ли, не дает расслабиться.

Лорд Равенби тихо рассмеялся. Смех у него был утонченный и немного наигранный, как будто его учили смеяться в зале с мраморными статуями без общения с живыми людьми.

— Ах, Эллинора, ваше остроумие — редкая прелесть. Будь я на тридцать лет моложе...

— Вы бы все равно были старше меня, — вырвалось у меня.

Повисла пауза, потом он рассмеялся уже громче и чуть более искренне и даже похлопал себя по колену.

— Блестяще! Прелестно! Вы такая... непосредственная. Именно это и подкупает.

Да уж, непосредственность — мой главный навык выживания.

Я сделала глоток из чашки. Вкус... был. И даже приятный. Значит, сон с высокой детализацией. Или галлюцинация с бюджетом блокбастера. Или что-то похуже. Например, очень убедительный транс, в котором застреваешь на годы, как в плохом сериале. Может, я как Патрик Суэйзи — привидение? Только с миром вышла промашка, и вместо Дэми Мур у меня тут... лорд.

— А скажите, милорд... — я решила аккуратно попытаться выяснить детали. — Как повашему, мы давно знакомы?

Он мечтательно улыбнулся, отпив глоток:

— О! Как будто вечность. Но даже этой вечности кажется так мало. И не устану повторять, как мне жаль, что не успел познакомиться с вашими благороднейшими родителями. Вот бы лишний месяц-другой, и последние два года я бы не мучался этим чувством неудовлетворенности. Впрочем, я рад, что вы предложили помолвку сами...

Ого. Так у моей благородной версии меня была семья. Отчетливо прописанная, со связями, репутацией и ухажерами. Прекрасно. Значит, я вляпалась не просто в платье, а в чью-то целую биографию. Так еще и жениха нашла на свою же голову...

— И что вы подумали о моем предложении помолвки? — я рискнула с нейтральной улыбкой.

— Ах, вы даже настояли на ней, но не столь решительно, как хотелось бы, — он хитро прищурился. — Но да, к помолвке мы оба пришли весьма охотно. И, смею заметить, вы стали еще обворожительнее с тех пор.

— Спасибо... — не знаю насчет обворожительности, но более шокированной я уже точно успела стать.

Я снова сделала глоток чая и судорожно старалась удержать всю новую информацию в голове. Я Эллинора фон Клыккард, помолвлена со стариком, похожим на утонченную версию Санта-Клауса. Местные считают, что я живу тут с детства. У меня были родители, но умерли. Видимо, недавно. А еще есть огромные собаки, которые даже слушаются меня, хотя и ведут себя подозрительно. Может, фамильяры какие-нибудь? И кто-то явно будет ожидать от меня, что я буду вести хозяйство, ходить на балы и... не орать на зеркало, если там отразится не мое лицо.

«Ладно. Ася. Выживала в суровых общагах, практиках, ночных сменах и сносила беседы с владельцами собак, считающими себя кинологами. Значит, выживешь и здесь».

Лорд Равенби наклонился чуть ближе, и я заметила, как в его глазах блеснул... интерес? О, нет, только не это...

— Позвольте мне задать один-единственный вопрос, дорогая Эллинора...

Вот сейчас точно отчетливо слышалась романтическая дрожь в голосе. Меня явно ожидало признание в любви или предложение поселиться в его замке рядом с портретной галереей...

— Вы счастливы?

Я чуть не поперхнулась.

«Вот этого, милорд, я и сама не знаю», - подумала я, но не сразу нашла, что ответить вслух.

Глава 3. Таинственный... конюх? Охотник? Поклонник?

Жених ушел, наконец-то оставив меня в покое. Прямо как тяжелый камень с плеч, и хоть я и ждала освобождения от его внимания, в полученную свободу пока верилось с трудом. Голова гудела, в ушах все еще слышался его вкрадчивый голос. Да он чуть ли не облизывался на меня! Я закрыла дверь за спиной этого благородного великовозрастного мужчины и почувствовала себя сразу на несколько килограммов легче. Философствующий мужчина — это, конечно, шикарно, но слушать его рассуждения о смысле жизни было все равно, что пытаться перекрыть шум фонтана на главной площади: невозможно и бесполезно. А еще это было немного похоже на как сидение библиотеке с надеждой, что когда-нибудь закончится лекция по теме «Сущность человеческого существования», читаемая в качестве наказания нерадивым студентам. Прекрасная сама по себе, но кто добровольно согласится ее слушать?

Я вышла на улицу, вдохнула свежий воздух и чуть не потеряла равновесие оттого, что он был... ну, слишком правильный. Никаких тебе выхлопных газов, никаких ароматов из ближайшей пекарни или шлейфа духов прохожих. Вроде бы и ветерок есть, и кусты шевелятся, но вот этот весь мир казался слишком сбалансирован, если честно. Но я думала, что мне нужно просто подышать, как нормальная, не занудная женщина, насладиться чистым воздухом хотя бы в своей фантазии, раз уж в реальной жизни такого удовольствия не дожидаться.

И тут, как будто по щелчку, мне на глаза попались они — три пса, скрывающиеся за углом особняка. Грациозные, быстрые, на которых не можешь даже взглянуть, не поддавшись искушению пойти за ними. Ну конечно. Псы графини. С кем, если не с ними, мне теперь разделять все эти глубокие размышления о жизни?

Я, как и положено настоящей любопытной героине, не растерялась и пошла за ними, не привлекая внимания (ну, хоть что-то я умею). Прошла я не слишком долго, но опять пришла к лесу. Здесь все словно обретало смысл: псарня, конюшня, огороженное поле — место, где всегда можно найти повод поговорить с лошадью, а не с философом. Вроде бы тут и псы графини обитали. Но что-то в темноте леса меня особенно волновало. Я огляделась, что-то как-то все еще не укладывалась в единую картинку. Но, тем не менее, это место было хоть и странное, но привлекательное. И куда более комфортное, чем старческие посиделки у камина с непонятной болтовней.

Мимо меня, как призрак, проскользнула миссис Ротт. Хотелось бы думать, что это с ней что-то не так, но когда она на меня смотрит, как на ребенка, которому нельзя доверять ножицы, потому что он ими может случайно поранить себя и все вокруг, я особенно остро понимаю, что проблема тут далеко не в ней. Она очень остро заставляет чувствовать свою... глупость, что ли. Я даже не успела моргнуть, как она уже стояла рядом, как учительница в школе, проверяющая, вовремя ли пришел ее ученик.

— Ужин подадут через четверть часа, — сказала она, скосив на меня взгляд. — Вам лучше не опаздывать, графиня. Я же не могу все время за вами бегать. И, кстати, мне очень жаль, что ваш жених не остался. Такого джентльмена нужно было бы задержать подольше, ведь с ним так приятно беседовать. Понимаете, графиня? В следующий раз напомните ему про ужин, пожалуйста.

Я едва сдержалась, чтобы не захохотать. Ну конечно, он ведь такой любитель философии и рассуждений, что только и остается, что дать ему медаль за непревзойденную способность усыпить кого угодно за десять минут. Но, к счастью, я еще не в той стадии жизни, чтобы устраивать громкие дебаты. Лучше бы мне вообще не вступать в разговоры, которые заканчиваются не тем, что я хочу.

— Не переживайте, миссис Ротт, — сказала я, стараясь, чтобы моя улыбка не выглядела слишком фальшивой. — Я обязательно это учту. И не опоздаю к ужину.

Я заметила, что псы, подбежав к незнакомому мужчине, вели себя с ним очень по-дружески. Он стоял у ограды, поправляя что-то в мешке. Меня привлекли линии его крепкой фигуры, широкие плечи, да и сама осанка — все в нем выдавало силу и уверенность. Пес все порывался подойти ближе и привлечь к себе внимание, но мужчина лишь погладил его по голове и вернулся к своим делам.

И вот он оказался совсем близко, перемещаясь с удивительной точностью и скоростью.

Постойте, я ведь его точно где-то видела. Но как такое может быть? Я прищурилась, пытаюсь понять, откуда это лицо мне знакомо. Он был высоким, с немного отросшими волосами, которые время от времени спадали на глаза. Обыкновенная рубашка с кожаными подтяжками, мешковатые штаны, которые, торжествуя сейчас современная мода, точно бы назвали «стильными». Я решила, что если он здесь, то, возможно, работает в псарне или в принципе с животными в особняке, но как-то он все равно не сильно выделялся на фоне окружающего пейзажа.

Он почувствовал мой взгляд и, приподняв брови, коротко улыбнулся.

— Добрый вечер, графиня, — сказал он, кивнув, и сразу повернулся к миссис Ротт, с которой обменялся формальностями.

Миссис Ротт сухо кивнула в ответ, как будто и не заметила его, и, вздохнув, пошла дальше по своим делам. Кивок этот был такой, как будто только что успокоила маленькую девочку, закатившую истерику из-за запрета на поедание песка, и со свистом быстрого ветра направилась к особняку, а я снова повернулась к мужчине и к одному из трех псов, который из-за угла вглядывал на меня своими карими глазами.

Я так и стояла, вглядываясь в мужчину, ощущая, как память пытается вытащить из меня какие-то воспоминания. Он снова погладил пса и вернулся к своим делам, а я стояла и думала, что, похоже, этого мужчину мне все-таки стоит узнать, чтобы понять хотя бы, где я его видела. Или это был просто один из тех персонажей, с которыми мне теперь придется время от времени сталкиваться в этом новом мире, или же это был один из главных героев моей странной псово-викторианской фантазии. Но пока я не могла отделаться от ощущения, что знаю его, и что причиной этого чувства не было случайное знакомство.

Когда миссис Ротт совсем скрылась из виду и на поляне не осталось никого, кроме меня и темных собачьих силуэтов, мужчина подошел ко мне. Шагал медленно, как будто что-то обдумывал. В его глазах было выражение, которое я не могла разобрать: что-то вроде задумчивости, ничего особенного, но при этом довольно странное.

Я расположилась на чистом стоге сена и тут же почувствовала легкую неловкость, потому что посидеть на природе — это, конечно, здорово, но вот колющее ощущение под пятой точкой оказалось так себе. Я подняла глаза на мужчину, когда он подошел уже совсем близко, и, пытаясь быть как можно менее настороженной, сказала:

— Да?

На более осмысленный вопрос в стиле «вы что-то хотели?» или «могу я вам чем-то помочь?» в тот момент у меня не хватило фантазии.

Мужчина на мою короткую реплику ничего не ответил. Вместо этого он наклонился ко мне, его рука скользнула по моему затылку, а я успела только подумать: «Что происходит?», как он резко притянул меня к себе. Его губы сжались на моих, жаркие и настойчивые, как если бы это был огонь целого мира, с которым я только что столкнулась, ощущая весь жар разом. В одно мгновение мое сердце рухнуло вниз, а бабочки в животе взлетели вверх, совсем как в старых романах. Поцелуй был таким... таким, что я даже забыла, как дышать. Никаких мыслей, только осталась эта буря чувств, волнующая каждую клеточку тела.

Но спустя пару секунд в моей голове что-то щелкнуло, как замок на двери. Я почувствовала, что что-то не так, все это было неправильно. И, как ни странно, инстинктивно оттолкнула

его, резко отскочив в сторону. Хотя, конечно, укол разочарования все-таки почувствовала... Можно было бы дождаться окончания поцелуя, но сдавать назад уже было поздно.

— Что это, черт возьми?! — вскочила я с места, буквально отпрыгнув назад. Я была в полном недоумении, в ярости и растерянности одновременно. Из плюсов — сено перестало колотиться.

Мужчина стоял передо мной, чуть удивленно наблюдая за мной и явно пытаюсь оценить мою поспешную реакцию. Он даже не попытался объясниться, только какое-то время молча смотрел на меня, как будто не понимал, что произошло.

Может, я сошла с ума? Может, это было нормально в этом новом мире, и я просто не привыкла? Или он просто считал меня очередной дамой, которая так легко поддается на мужские провокации? С его внешностью таких наверняка встречалось много...

Правильного ответа я не знала, но знала одно: я только что пережила что-то, что меня точно выбило из колеи. Пусть это что-то и было таким приятным. И чувственным. И горячим...

Мужчина стоял передо мной, продолжая смотреть с недоумением. Его взгляд будто спрашивал: «Что, серьезно?» Я все еще была в полном замешательстве, но как-то инстинктивно нашла силы ответить:

— Если вы хотите спросить, все ли со мной в порядке, то нет, конечно, — сказала я с сарказмом, стараясь вернуться в привычное эмоциональное состояние. — Когда неизвестные мужчины позволяют себе такие вещи...

Он приподнял брови, как будто я что-то сказала не так.

— Неизвестные? — повторил он, и в его голосе мелькнуло нечто куда сильнее простого удивления.

Я быстро прикусила язык, чувствуя, как на щеках начинает появляться легкий румянец от стыда. Сама же с трудом удерживала равновесие в этом странном и сбивающем с толку моменте.

— Ну, или малознакомые, — поправила я, вздыхая и сразу чувствуя, как мои слова уплывают куда-то в пустоту.

Он кивнул, как бы соглашаясь.

— Малознакомые, значит, — произнес он, и в его голосе не было ни малейшего намека на шутку.

И вот тут же, как по мгновению волшебной палочки, он снова оказался рядом со мной. В следующий момент я почувствовала, как его сильная рука прижимает меня спиной к стене. Все происходило слишком быстро, слишком неожиданно. Но он больше не пытался поцеловать меня, как раньше, а вместо этого приставил нож к моей шее. Холодный металл коснулся моей кожи, заставив меня буквально замереть.

— Ну, раз малознакомые... возможно, нам стоит познакомиться? — произнес он, и его голос теперь был не только серьезным, но и многозначительным.

Я почувствовала, как по коже пробежал холод, хотя я и не могла решить, был ли он от ножа или от того, что могло произойти дальше сейчас. Мысли путались, и я вся напряглась, не зная, что он от меня хочет.

Глава 4. Ветеринар с навыками переговорщика

Я стояла, прижатая к стене, ощущая, как холодный металл ножа касается моей кожи. Мозг работал на полную мощность, но почему-то все мои мысли путались. Мужчина, не переставая смотреть на меня, словно изучал каждую мою реакцию, а я, в свою очередь, пыталась сообразить, что мне делать дальше.

— Ты что, совсем не понимаешь, что происходит? — наконец выдавила я, стараясь не паниковать. — Ты явно что-то путаешь.

Мужчина продолжал держать нож на расстоянии, его глаза были холодными, как лед, а голос звучал ровно, но с едва заметным оттенком злости:

— Моя главная ошибка — это то, что я спутал такое существо с графией. Вот где я действительно ошибся.

Я почувствовала, как в груди поднималась ярость, а с ног до головы прошла волна холода. Я бы, конечно, могла рассыпаться в оправданиях, но... нет, не сейчас. Я не собиралась вести себя как жертва.

— Да какое же я существо! — выпалила я, оглядывая его с недовольством. — Можно ли хотя бы повежливее обращаться с дамой? Я все-таки женщина, а не твоя дикая зверушка, пойманная на охоте!

Он вскинул брови, явно не ожидая такой реакции. Его взгляд на мгновение стал немного мягче, но нож все равно не убрал.

— Так вот как ты реагируешь на такие вещи, — произнес он, будто удивляясь. — Должен признать, что твой ответ меня удивил.

Я уже было думала, что он может уступить, но его рука не дрогнула. Мужчина отпустил меня, но нож не убрал, его он все также держал его прямо передо мной, и мне это совсем не нравилось.

— Успокойся, — сказала я, пытаюсь немного наладить атмосферу. — Давай поговорим по-человечески. У нас нет причин для такой жестокости.

Он на секунду задумался, но затем медленно, как будто размышляя, отпустил меня окончательно, однако нож оставался направленным в мою сторону.

— А что мне может рассказать это... существо? — сказал он, слегка усмехнувшись. — Чем ты меня можешь удивить?

Меня передернуло от его слов, но я постаралась не показать, как сильно они меня задели. Его пренебрежение так и лилось через эти фразы, как что-то само собой разумеющееся, как будто он решил: я не более чем объект его охотничьего любопытства.

Я вздохнула и подняла голову.

— Много чем, если позволишь, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Но тебе стоит начать с того, чтобы понять, что такие вещи, как уважение и понимание для меня не пустой звук.

Он еще немного постоял, смотря на меня, но в его взгляде я уже заметила нечто другое, возможно, интерес, а может быть, даже сомнение. Нож чуть опустился, но все равно он его держал так, чтобы я не могла забыть, что он еще здесь. Все еще не безопасно, но я уже чувствовала, что могу немного расслабиться.

— Не расслабляйся, — проговорил мужчина низким голосом, который, казалось, проникает прямо в душу. — Я продолжаю следить за тобой, и ты должна это понимать. Лучше не совершай глупостей, если не хочешь, чтобы твоя жизнь стала еще более... интересной.

Я сжала зубы, чувствуя, как нарастающее напряжение накрывает меня, но я не собиралась показывать этого. Вдохнув, я поправила свое платье, чувствуя, как ткань скользит между пальцев, в попытке скрыть свою нерешительность. В этом жесте, наверное, было больше попытки

самоуспокоиться, чем чего-то еще, но сейчас он в этом видел лишь мои руки, желающие исправить даже мельчайшие несовершенства, и это, казалось, помогало мне хоть немного оттянуть момент.

Сосредоточившись, я снова вернулась на облюбованный стог сена, пытаюсь не показывать, как дрожат ноги. Все равно надо было хоть как-то продолжить разговор, и я решительно села, стараясь сохранить достоинство.

Мужчина стоял на месте, как каменная статуя, без единого движения, но его взгляд по-прежнему следил за каждым моим шагом.

Я повернулась к нему, стараясь быть максимально спокойной и вежливой. Все равно мне предстояло как-то с ним разговаривать. И сейчас, когда между нами была такая дистанция, может быть, стоит попытаться наладить хотя бы чуть-чуть диалог?

— Вы, конечно, не собираетесь вечно стоять, — сказала я, указывая на стог напротив. — Присаживайтесь, если хотите поговорить. Все-таки разговор должен быть цивилизованным, не так ли?

Он немного прищурился, как будто оценивал мою смелость, но все же подошел, не забывая держать нож в руках. Только теперь его движения стали менее агрессивными, что уже можно было воспринимать как маленькую победу. Он остановился напротив, не садясь, но в его взгляде, похоже, было что-то новое: интерес. И, возможно, уважение.

Я сидела, стараясь не показывать, как мой внутренний мир все еще раскололся на кусочки, и ожидала, что он скажет следующее. Не хотелось спешить, но я знала, что должна взять этот разговор под контроль. Он держал нож, но я чувствовала, что в следующий момент это может быть совсем не нож, а что-то другое.

Мужчина молчал, а затем его взгляд снова стал острым, как лезвие. Он был тише, но теперь его вопросы звучали более прямолинейно.

— Кто ты? — спросил он, не отрывая взгляда от меня.

Я сглотнула и посмотрела на него, пытаюсь сохранить спокойствие. На самом деле я сама не знала, кто я. Или точнее, не знала, кто я теперь. Ответ был сложным и мутным, как вода, которую долго не меняли.

— Я... — начала я, но тут же запнулась. Что я вообще могла сказать? Что я просто «не я»?

Вздыхнув, я приняла решение быть откровенной, в конце концов, что терять?

— Сейчас я, очевидно, графиня Элинора фон Клыкард, — сказала я, пытаюсь говорить уверенно. — Но, как вы правильно заметили, не совсем я. На самом деле скрывать правду не вижу смысла.

Мужчина не сказал ничего, но его взгляд стал более внимательным, почти настойчивым. Я продолжала:

— Еще вчера я была другим человеком. Ася... — запнулась я, не решаясь назвать себя привычным именем. — Ну, то есть, Анастасией. Вчера я была собой, а теперь... — я жестом показала на себя и на все вокруг. — Очнулась здесь. И сама не знаю, как сюда попала.

Мужчина несколько секунд просто смотрел на меня, затем, в его голосе появился сомнительный оттенок.

— Разве так бывает? — спросил он с легким недоверием, как если бы я только что сказала ему, что летала на облаках.

Я усмехнулась, несмотря на всю странность ситуации.

— Обычно нет, — ответила я с сарказмом. — Но, видимо, раз в год и палка стреляет.

Он прищурился, не совсем понимая мою шутку, и опять взглянул на меня, как на загадку, которую еще только предстояло решить.

— А это... вообще возможно? — спросил он, явно не готовый принять мои слова.

Я отмахнулась, не желая вдаваться в подробности. Не так-то просто объяснить, что произошло со мной, особенно когда и сама не понимаешь.

— Знаете, в любом случае я уже здесь, и это теперь моя реальность. А теперь, раз уж у нас откровенный разговор, может, представите и вы? — Я старалась сделать свой голос как можно более невозмутимым, не показывая, как мои руки чуть дрожат.

Он немного задумался, и, наконец, произнес:

— Гаррет Блейк.

Имя прозвучало просто, но что-то в его тоне заставило меня насторожиться. Он был человеком, с которым не хотелось бы оказаться в тени — это было очевидно.

Я кивнула, понимая, что хотя бы с именами мы начали честно.

— Очень приятно, Гаррет, — сказала я, стараясь поддержать разговор. — Только, пожалуйста, не забывайте, что это все-таки я, Анастасия. Если уж на то пошло.

Я не могла не задать этот вопрос. Он слишком мучил меня, особенно после всего произошедшего. Я пристально посмотрела на Гаррета и наконец выпалила:

— Как ты так быстро понял, что я не графиня? И почему сразу поцелуй? Не слишком ли много для знакомства?

Гаррет нахмурился, будто мои слова его задели. Он ощетинился, как раненый зверь, и его глаза стали ледяными.

— Не твое дело, — бросил он с неприязнью. — Ты кто вообще такая, чтобы меня этому учить?

Я вздохнула, стараясь не раздражаться. Ситуация была действительно щекотливая, но мне стоило держать себя в руках.

— Моя ошибка, — спокойно ответила я. — Мое дело, раз уж мы оба оказались в этой странной ситуации. Ты не ожидал, что я буду сидеть молча и слушать все твои нелепые обвинения?

Гаррет усмехнулся, но в его глазах был намек на признание. Он, видимо, немного оценил мою решительность. Наконец, он слегка расслабился и объяснил:

— Мы с графиней давно в отношениях, — сказал он, тихо, почти с укором. — Ищем способы избавить ее от навязанного брака. Я... не доверяю всем, кто появляется в этом доме, особенно таким, как ты.

Я приподняла брови, но сдержала удивление. Это было гораздо больше, чем я ожидала услышать. Противоречия просто захлестывали меня, и я едва удерживалась от того, чтобы не ляпнуть лишнего.

— Разве так бывает? — прокомментировала я, повторяя его вопрос больше для себя, чем для него, но умудрилась не дать волю своим эмоциям.

Гаррет поджал губы, заметив мое замешательство. Он выглядел немного не в своей тарелке, что-то внутри меня сказало, что это не была обычная ситуация для него. Он, видимо, тоже понимал, что стоял на краю чего-то большего, и ответил:

— Ну, раз уж ты хочешь цивилизованного диалога, — его тон стал чуть спокойнее, — давай проверим, кто ты такая. Не хочешь быть «существом»? Тогда пройди пару проверок и докажи это.

Я немного приподняла брови. Вроде и предложил спокойно, а как-то все равно звучало угрожающе. Но я знала одно: если уж он предложил это, значит, я не имею выбора.

— Какие проверки? — поинтересовалась я, решив, что чем яснее будет ситуация, тем легче мне будет держать контроль.

Гаррет встал чуть поудобнее, как будто готовился объяснять мне нечто важное и весьма серьезное. Он говорил, но каждое его слово звучало все более мистически и странно, как будто я попала в мир, где граница между реальностью и фантазией уже давно стерта.

— Существуют дуппельгангеры, — сказал он, делая паузу, как если бы это было что-то, о чем я должна была уже слышать. — Мерзкие оборотни, которые даже к оборотням-то отношения не имеют. Эти твари могут принимать другие личины. И у меня есть список действий, позволяющий отличить их от человека или любого другого существа.

Я почувствовала, как меня тронуло его слово «существо». Мои глаза сузились, и я чуть наклонила голову, пытаясь уловить интонацию.

— «Любого другого существа»? — перебила его я, поднимая брови. — Извините, но что это за существа такие, раз уж мы говорим о них в таком контексте?

Гаррет насмешливо посмотрел на меня, но я не отводила взгляд. У меня было ощущение, что он не собирается раскрывать все карты, но я не собиралась упускать шанс узнать больше.

Он хмыкнул, будто понимая, что разговор от меня не уйдет.

— Ты сейчас не готова узнать все ответы, — произнес он, как-то слишком серьезно. — Но ты все равно это выяснишь. Когда придет время.

Я вздохнула, ощущая, как начинается настоящая игра. Я не могла позволить себе быть пассивной в этом разговоре.

— И что за проверки мне предстоят? — продолжила я, снова сосредоточив внимание на нем. — Будут ли они безопасными?

На мгновение он ухмыльнулся, и в его глазах мелькнуло что-то темное, как предвестие какого-то испытания.

— Ты что, испугалась? — спросил он, чуть приподняв уголок губ.

Я встала, не обращая внимания на колющее сено, зацепившееся за платье. Мои шаги были решительными, и я почувствовала, как уверенность постепенно возвращается.

— Испугалась? Нет. Но, Гаррет, если я собираюсь пройти все эти проверки, то я требую, чтобы они были проведены по-настоящему, — сказала я, поднимая голову, с достоинством. — Проведите все необходимое, чтобы убедиться, что я не этот дупель-пупель-кто-то. И пусть даже это будет весь ваш список.

Гаррет остановился, его взгляд стал напряженным, и я заметила, как он слегка нахмурился. Он не ожидал такой реакции. Я могла бы испугаться, могло бы быть по-другому, но я решила, что мне лучше быть здесь и сейчас, чем стоять на месте, сомневаясь.

— Ты уверена? — произнес он, подбирая слово, будто извиняясь за сложность задачи.

Я кивнула, все больше ощущая, как контроль над ситуацией снова перешел ко мне.

— Уверена. Проводите проверки. Если вы так думаете, — сказала я, снова садясь на стог сена, — то лучше это выяснить прямо сейчас.

Глава 5. Серебром девушку нужно не пытаться, а одаривать

Я не могу сказать, что мне было легко согласиться, чтобы пойти куда-то с этим подозрительным то ли конюхом, то ли охотником и по совместительству любовником графини. То, что Гаррет пригласил меня в свой дом — а я искренне надеялась, что шла к нему домой, а не в тюремную камеру, — казалось, противоречило всем законам приличия. В этом консервативном обществе, где мужчины и женщины общаются через пропорциональные дистанции и не всегда могут обменяться хотя бы взглядами, идти с незнакомым мужчиной, да еще и к нему домой — ну что тут скажешь?

И все же я пошла. Причин этому было несколько, но самая главная из них заключалась в том, что мне просто хотелось узнать, что скрывается за всеми этими странными, угрожающими фразами и намеками. Если меня сейчас и ждали испытания, то, видимо, я должна была весьма успешно пройти их, ведь никаких странностей за собой не замечала. Вопрос был только в том, чего мне следовало ожидать.

Он шел рядом со мной молча, как тень, и я не могла понять, что именно он скрывает. Никаких подробностей он не озвучивал, я довольствовалась только внешней уверенностью, с которой он двигался, и эмоциональной холодностью. Мы прошли через лесную поляну и добрались до небольшого домика. Он был неприметным снаружи, даже скорее скромным, но я сразу поняла, что именно здесь мне предстоит пройти все его проверки. Трое псов следовали за нами по пятам, они иногда пропадали из поля моего зрения, но я точно знала, что они где-то рядом. Вопрос только, кого именно из нас двоих они защищали или сопровождали?

Внутри все оказалось в том же стиле, что и снаружи — простой, но уютный интерьер. В воздухе витал запах свежесрубленных дров и чего-то тяжелого, лесного, как будто сам лес напознал сюда, внутрь этого маленького мира в виде смеси смолы, диких трав и жухлой листвы.

Гаррет молча кивнул в сторону стола, где лежали какие-то странные предметы. Я поняла, что это и есть оборудование для тех самых «проверок». Но, видимо, мне предстояло пережить немного больше, чем я ожидала.

— Садись, — сказал он, указывая на кресло, стоящее в центре комнаты и заставляя меня наконец-то сдвинуться с места.

Я медленно присела, все также ощущая напряжение в теле, но стараясь не выдать своего волнения. Пытаясь сохранить достоинство, я взглянула на него.

— И как ты собираешься проводить свои проверки? — спросила я, сдерживая легкую иронию в голосе. — Серебро, что ли, принесешь? Или мне предстоит пройти через еще какие-то испытания? Протыкание колом? Что там еще делают у вас тут с подозреваемыми?

Гаррет усмехнулся, но его взгляд был серьезным.

— Серебро, конечно, — ответил он, — но девушке не нужно подвергаться пыткам. Я тебе подарю его. Просто не факт, что тебе оно придется по нраву.

Он взял что-то из стола и подошел ко мне с маленьким серебряным предметом в руках. Я замерла, не зная, что делать. Интуитивно я почувствовала, что он не хочет причинить мне боль, но в тот момент для меня все это казалось странным, даже пугающим. Он держал серебряное кольцо, а на его лице было какое-то выражение, которое я не могла расшифровать. Больше, наверное, заинтересованность, чем жестокость, но, как знать, не так уж мы давно знакомы, чтобы так легко угадывать его эмоции.

— Ты не переживай, — продолжил он, но слова его звучали не слишком утешительно. — Это не больно. Скорее всего. Но ты должна пройти через это.

Он протянул кольцо мне, и я приняла его, чувствуя холод металла. Ничего не изменилось, мир вокруг не погас, не раздалось взрывы или звуки магии, мне не стало больно или приятно. Ну, то есть, вообще ничего. Я не знала, что будет дальше, но понимала, что от того, как яотреагирую сейчас, многое зависит.

Гаррет наблюдал за мной, как будто изучал каждое мое движение, а я, в свою очередь, пыталась скрыть свою реакцию замешательства. Я надела кольцо, чувствуя, как холод металла пронизывает мою кожу, но это, скорее всего, был эффект плацебо от затянувшегося ожидания. Я спокойно смотрела на Гаррета, не показывая, как внутри меня зарождается вполне себе ошущтимое недовольство, словно меня поманили каким-то волшебством, а волшебства и не случилось. Ожидание было слишком скучным, и я могла бы уже развеселиться сама и развеселить окружающих, но вместо этого ощутила легкое разочарование.

— Ну что, — сказала я, глядя на кольцо, и как-то сразу после такого подарка перешла на «ты». Гаррет, впрочем, вряд ли обиделся, он-то мне «тыкал» едва ли не с самой первой секунды нашего знакомства, — если это все, что ты мне можешь предложить, Гаррет, тебе придется постараться больше. Это кольцо точно не может меня подкупить. Маловато. Да и вообще не совсем то, что я ожидала.

Теперь уже в глазах Гаррета промелькнуло что-то вроде легкого недовольства, будто то, что я не скорчилась от боли или не превратилась в монстра, его заметно разочаровало. Он нахмурился и, едва слышно бормоча себе под нос, начал что-то вспоминать, перебирая по порядку другие доступные методы проверки моего брэнного тела.

— Ты права, — сказал он наконец, опуская взгляд на стол, где лежали другие предметы. — Но если ты думаешь, что все ограничится кольцом из серебра, ты ошибаешься.

Он подошел к столу и достал какой-то старинный амулет, поверхность которого покрывали странные знаки и узоры. Я, конечно, не поняла, что это за амулет, но у меня было чувство, что он больше подходит для какого-то древнего ритуала, а не для милых разговоров.

— Это для того, чтобы точно понять, кто передо мной, — произнес он, держа амулет в руке. — Доппельгангеры не любят, когда с ними работают с такими вещами.

Я посмотрела на него с некоторым скептицизмом.

— Доппельгангеры, — повторила я, поджав губы и с трудом в первый раз проговорив это оскорбление. — Как интересно. Может, кто-то просто читал слишком много сказок для детей? Звучит как Румпельштицхен...

Мужчина не отреагировал на мою реплику, но в его глазах я заметила решимость. Он не собирался останавливаться на первом же неудачном тесте, поэтому сделал несколько шагов в сторону меня, не сводя с меня глаз.

— Знаешь, ты зря недооцениваешь эти вещи, — сказал он, но его голос теперь звучал спокойнее, почти как лекция по философии или использованию магических предметов в совершенно непонятном мире и не самом понятном для меня времени. — Я был бы рад, если бы ты оказалась просто девушкой, а не кем-то еще. Но чтобы в этом убедиться, мне нужно провести еще несколько проверок.

Я снова почувствовала на себе его пристальный взгляд и невольно вздохнула.

— Ну да, — сказала я с сарказмом. — Просто фантастика. Я как-то даже не уверена, что выдержу все эти «проверки», боюсь, совсем заскучаю в процессе. Но ладно, если уж ты так настаиваешь, продолжай.

Гаррет немного усмехнулся, но все же действительно продолжил. Он на вытянутой руке повернул амулет в мою сторону, и я почувствовала, как воздух стал немного тяжелее. Я не могла понять, что он пытается сделать этой побрякушкой, кроме как чуть прогреть пространство, но его серьезность была очевидной. Он был готов идти до конца. Впрочем, уже скоро и он понял, что амулет, как и кольцо, можно было использовать на мне только в качестве украшения.

Гаррет продолжал обходить стол, поднимая все новые и новые предметы, которые, как он полагал, должны были помочь разобраться в моем истинном «я». Он все время бросал на меня изучающий взгляд, как если бы я была самым сложным уравнением, которое нужно решить. Но каждый раз, когда он с надеждой смотрел на меня после своей очередной проверки, ничего не происходило. Я могла бы даже поспать, если бы не его настойчивость.

После амулета была какая-то каменная пластинка, покрытая еще более странными рунами, которую он даже приложил мне ко лбу. Я ощутила, как снова меня тянет в сон. Все странные артефакты, таинственные знаки — это все, конечно, интересно, но уж слишком медленно.

Гаррет снова встал рядом, держа в руках еще одну плоскую пластину, на этот раз металлическую, которая, как я поняла, должна была подтвердить мнение всех своих артефактных «коллег» и обелить мою не-допельгангеровую репутацию в глазах проверяющего. Гаррет повернул ее в руках, как будто в поисках какого-то волшебного знака, и опять поднес к моему лицу.

— Это древний амулет. Доппельгангеры чувствуют его силу и избегают прямого взаимодействия, — сказал он с таким видом, как будто сейчас сам откроет древнюю магию.

Я приподняла брови, рассматривая его с некоторым интересом, но на самом деле мне уже хотелось делать что-то более увлекательное. Например, поговорить о том, кто на самом деле он и что с этим домом не так.

— Древний амулет, ага, — сказала я с ноткой скуки в голосе. — Так ты хочешь сказать, что я должна почувствовать, как он меня сейчас пугает? Кстати, может, тебе стоит еще и камешки для удачи взять? И не тыкать ничем мне в глаза, этого и простые люди не очень любят.

Гаррет бросил на меня быстрый взгляд, но я заметила, как его лицо стало напряженным. Он еще раз повернул амулет в руках, надеясь, что тот все-таки сработает. Но ничего не случилось. Я вздохнула.

— Удивительно, — произнес он, но в голосе уже звучала усталость. — Ты... ты не реагируешь. Это невозможно.

Я вздохнула, едва удержав улыбку.

— Гаррет, может, ты мне покажешь последний артефакт, и закончим уже с ними? Или ты планируешь заставить меня танцевать с этим серебряным кольцом и перемерить все украшения, что сможешь найти? — с сарказмом спросила я. — Не знаю, как тебе, но мне это напоминает кошачью, когда она пытается поймать свою тень или хвост.

Гаррет смотрел на меня с нарастающим недоумением. Он поднял очередной предмет — теперь это была стеклянная сфера, в которой как будто что-то мерцало, и поднес ее ко мне.

— Это поможет увидеть твою истинную сущность, — сказал он, пытаясь оправдать свои действия. — Доппельгангеры не могут смотреть в такие сферы.

Я едва сдержала смех, на самом деле, мне было интересно, что он подумает, если я неотреагирую опять. Должна же быть какая-то граница его недоверчивости?

— О, да, конечно, — поддакнула я с легкой иронией. — Смотрим в сферу, чтобы найти меня, а потом — в пустую бутылку, чтобы найти мой «внутренний мир». Я же так этого жду.

Гаррет замер. Он, видимо, еще не понял, что я действительно скучаю, но, возможно, он это осознал, когда его действия стали казаться мне все более комичными, и я уже совсем не сдерживала свой сарказм. Он опустил сферу, с озадаченным видом оглядывая меня.

— Ты не... Ты не чувствуешь ничего? Совсем ничего? — его голос был теперь полон недовольства и какого-то растерянного удивления.

Я спокойно пожала плечами.

— Честно говоря, нет, — ответила я, едва сдерживая улыбку. — Приятель, ты потратил на меня больше времени, чем на собственные исследования. Ну, и что дальше?

Гаррет снова повернул сферу в руках, снова принялся изучать меня, как если бы в следующий момент я должна была превратиться в какую-то тварь, а он — открыть главные секреты

Вселенной. Но я, наконец, встала, глядя на него так, как будто это он теперь был на проверке, а не я.

— Ну все, хватит. Давай по-человечески, — сказала я, пытаюсь сохранить спокойствие, но не скрывая раздражения. — Если ты, конечно, убедился, что я человек.

Гаррет молчал, слегка удивленный моей резкостью и переменами настроения. Он не ожидал, что я прерву всю эту мистическую процедуру, но я уже вполне была готова положить конец этому фарсу.

— Ну, хорошо, — сказал он, явно не желая отступать, но все же сбитый с толку. — Ты человек, и что с того?

Я посмотрела ему прямо в глаза, пытаюсь, наконец, привести разговор в более ясное русло.

— Так если я человек, — ответила я, — и если я графиня — человек, то где же графиня? Где она сейчас? Почему ее нет, твое расследование не сказалось?

Гаррет сразу как-то осунулся, будто эта мысль только что достигла его разума и навалилась всей своей тяжестью. Он задумался, и его лицо сменилось, приняв более серьезное выражение. Но, похоже, он не знал, что ответить. Вся ситуация с моим появлением в этом странном месте стала неожиданной не только для меня, но и для него.

— Это... не так просто, как ты думаешь, — пробормотал он, снова отводя взгляд. — Ты сама понимаешь, что все это... необычно. И... да, графиня... она должна быть здесь. Но...

Я стояла, наблюдая за ним, чувствуя, как напряжение нарастает. Ответ был скрыт где-то глубже, и, возможно, Гаррет еще сам не осознавал, что его «графиня» могла быть намного ближе, чем он думал. Я скрестила руки на груди и ждала, пока он все-таки решит ответить.

— Ну так что, Гаррет, — спросила я с усталой улыбкой, глядя на него. — Ты все еще будешь пытаться доказать, что я какой-то там допель... дубликат, или все-таки пытаешься найти свою драгоценнейшую графиню?

Гаррет хмуро взглянул на меня, видимо, понимая, что этот момент был не самый подходящий для того, чтобы затягивать бессмысленные проверки. Он слегка кивнул, будто сдался.

— Графиня мне дороже всего остального, — произнес он, но его голос уже не был таким уверенным, как раньше. — Она предупреждала меня о возможных двойниках. Учила не доверять им. Так что ты должна понимать, почему я действую так, как действую.

Он все еще не мог осознать, что я не собиралась быть его очередной загадкой. Да и вообще, если он продолжал на меня смотреть как на проблему, то не продвинется дальше.

— О, да, конечно, — ответила я с сарказмом, но без намека на агрессию. — Мама меня тоже учила не доверять подозрительным личностям, которые норовят тыкать в меня чем-нибудь странным.

Взгляд Гаррета стал как будто немного смущенным, буквально на один процент, но все же. Он понял, что не все, что я говорю, стоит воспринимать как угрозу. Мы оба играем в свои игры, но мне было важно, чтобы он понял: я не буду заложницей его страхов и подозрений. Своих — может быть, но вот чужого такого добра мне точно не надо.

— Ладно, — сказал он, тяжело вздыхая и садясь рядом. — Ты права. Я не могу продолжать гоняться за призраками. И тебе, похоже, не так уж страшно. Сколько бы я ни проверял, результат все равно один и тот же. Ты и не графиня, и не перевертыш.

Я кивнула, осознавая, что разговор должен был закончиться на более практичной ноте. Да, он все еще не доверял мне до конца, но если бы он не сделал шаг навстречу, мы бы все еще топтались на месте.

— Хорошо, — сказала я, устраиваясь поудобнее. — Давай поступим разумно. Если я, очевидно, нахожусь в теле графини, а ты — единственный, кто знает эту мою не самую маленькую тайну, нам просто нужно работать вместе. И я уверена, что нам выгодно держаться друг

за друга. Ты хочешь найти ее, а я просто хочу понять, что происходит со мной. Так что, будем сотрудничать?

Гаррет задумался на пару секунд, но я увидела, что он вряд ли откажется от предложенной идеи. Его взгляд сменился на более решительный, как если бы он понял, что с этим союзом можно действительно гораздо больше шансов выиграть, а не потерять все, играя в одиночку.

— Согласен, — сказал он, и в его голосе было слышалась не только готовность сотрудничать, но и что-то вроде уважения. — Если ты готова работать со мной, я тоже готов работать с тобой.

Глава 6. Графиню учат плавать

Гаррет уже несколько дней знал мой секрет, но между нами все еще тлеало легкое недоверие. В этот раз мы сидели мы в его маленькой гостиной — я в одном углу, он в другом — и тихо играли в «угадай намерение». Он молчал, я пялилась и пыталась угадать, чем сегодня удивит. Никакие старые разговоры не готовили к тому, что было впереди, так что лучше быть на шаг впереди самой себя.

— Проблем у нас выше крыши, — начал он с каменным лицом. — И поверь, история с подмененной графиней — это еще цветочки. Ягодки, боюсь, будут с когтями.

Я кивнула, не перебивая. Я знала, что он уже давно думал об этом, но до сих пор не рассказывал мне всех деталей своих размышлений. И вот, наконец, его голос стал чуть более настороженным.

— Задача у нас не из легких, — продолжал он. — Мы должны быть максимально осторожными. Если кто-то заподозрит, что ты не совсем та, кем кажешься, все закончится. Ты даже не представляешь, как сложно скрывать такой секрет в этом доме.

Он указал на дверь, за которой раскинулась лесная полянка, а за ней — дорога к особняку. Миссис Ротт наверняка была где-то рядом, мы оба чувствовали ее незримое присутствие.

— Ну что ж, — протянула я, стараясь выглядеть собранной. — Включаем режим разведчицы. И планируем, как не спалиться на ровном месте.

— Нам нужно еще пару дней, — ответил он, скользя взглядом к окну. — Но чем быстрее мы найдем решение, тем лучше.

Гаррет глубоко вздохнул, будто готовился открыть нечто важное. Его взгляд стал более решительным, но в нем все заметнее становилась тревога, которую он с трудом пытался скрыть. Он начал медленно, как будто обдумывая каждое слово.

— Все не так просто, как ты думаешь, — сказал он, опустив взгляд. — Если бы это была просто смена тел, я бы сказал, что это просто случайность. Но тут что-то другое. Все слишком идеально, и это меня пугает. Понимаешь, графиня, как ты ее называешь, не просто исчезла. Она может быть связана с чем-то более опасным, чем ты думаешь.

Я почувствовала, как все внутри меня сжалось. Я пыталась переварить его слова, но они звучали слишком веско, и я не могла игнорировать волнение, которое начало нарастать.

— То есть... ты реально считаешь, что она исчезла? — переспросила я, и голос мой слегка дрогнул, хотя я и пыталась держать марку.

Гаррет встал, его движения стали более напряженными. Он прошел по комнате и, остановившись у окна, повернулся ко мне.

— Это и есть главная проблема, — ответил он, и его голос стал чуть жестче. — Мы оба находимся перед огромным риском. Если кто-то обнаружит, что графиня исчезла, и что вместо нее ты... Если нас вычислят, все будет кончено, не только для тебя или для нас, но и для всех местных жителей Клыкарда. Я не могу позволить себе сделать ошибку. И ты тоже.

Я почувствовала, как все это становится все более серьезным. Стало ясно, что те проверки, которыми он меня подвергал, были не случайными. Они были жизненно важными, чтобы предотвратить катастрофу и обнаружить потенциального врага раньше, чем он начнет действовать. К счастью, врагом оказалась не я, но, к сожалению, он был все еще где-то вне зоны нашей видимости.

— Ты сказал, что она была предупреждена о таких случаях. Что это за предупреждение? Что кто-то выйдет из зеркала с ее лицом и характером попроще? — спросила я, чувствуя, как скепсис набирает силу быстрее, чем паника.

Гаррет завис: так зависают только те, кто собирается произнести что-то жутко важное. Или жутко глупое.

— Графиня давно подозревала, что кто-то может занять ее место. Она знала, что доппель-гангеры могут подменять людей, и все это — часть древней магии. Она не доверяла никому, особенно тем, кто мог бы быть похож на нее. Мы с ней уже давно пытались найти способ избавиться от брака с Равенби, но не только мы, вся эта ситуация много кому мешала, и вот теперь ты здесь. Но кто-то уже мог заметить, что с графиней что-то не так. И теперь ты не просто ее замена, ты ключ к разгадыванию того, что произошло.

Я попыталась осмыслить всю информацию, но все складывалось в один большой, темный клубок, который становился только сложнее.

— Прекрасно, просто прекрасно. А теперь, дорогой мистер Охотник, какой план? Мы прячемся, атакуем или учимся жонглировать ложью? — спросила я, изображая стоическую готовность.

Гаррет снова подошел ко мне, его взгляд стал настойчивым, но теперь в нем читалась решимость.

— Мы должны быть на шаг впереди, — ответил он, подчеркивая важность каждого слова и подтверждая мое стремление. — Мы не можем допустить, чтобы кто-то узнал о том, что случилось. Мы должны сыграть свою роль, втиснуться в эту маску и вести себя так, как того требуют обстоятельства. Каждое наше действие должно быть максимально продуманным.

— Погоди. Я теперь кто? Тайный агент в кринолине? — уточнила я с преувеличенным ужасом.

— Пока не придумал название для твоей роли, но лучше тебе стараться как следует. Потому что если ты прогоришь, нам обоим крышка.

Я кивнула, понимая, что он прав. Он был прав во всем. Мы оба были в одной лодке, и только совместными усилиями мы могли что-то изменить.

— Так. Никто не должен понять, что я не графиня. Прекрасно. Буду изображать благородство, утонченность и легкую высокомерную тоску. Справлюсь. Почти наверняка справлюсь. Но что дальше? — смиренно спросила я.

— Дальше — осторожность. И план. Но ты должна знать, Анастасия, что теперь ты не просто «я» или «графиня». Ты часть этого мира. И нам нужно работать вместе, чтобы выжить в нем.

Я снова кивнула, чувствуя, как между нами начинается нечто большее, чем просто разговор, хотя градус его пафоса чуть-чуть зашкаливал и раздражал меня. Но нам нужно было стать партнерами, но что это значит в этом странном мире, мне еще предстояло понять.

Гаррет устроился напротив с таким видом, будто собирался вести стратегический брифинг. Попкорн бы отлично подошел под эту сцену, но судьба, как всегда, сэкономила на угощениях. Он начал выкладывать свои идеи, постепенно строя картину того, как нам нужно действовать. Я внимательно слушала, чувствуя, как сложность ситуации накрывает нас с головой. Мы не могли допустить ни малейшей ошибки.

— Миссис Ротт, — начал он, — нужно держать под контролем, такой уж она человек. Она все видит, все замечает. Это женщина, которая никогда не упустит ни одного намека, ни одного взгляда. Я уверен, она заметит малейшее изменение в твоём поведении.

Я вздохнула, пытаясь представить себе всю сложность этой ситуации. Миссис Ротт... эта женщина была не просто слугой. Если где-то что-то выглядело подозрительно, миссис Ротт уже стояла за шторой с блокнотом и ручкой. Ее жизненная миссия — следить за графиней, словно за слоеным пирогом в духовке: чтобы не подгорела ни мораль, ни поведение. Это была не просто экономка, а что-то среднее между цербером, мамой и государственным секретарем. Увидит все, заметит всех и сделает выводы быстрее, чем ты моргнешь.

— То есть, ты предлагаешь, чтобы я играла свою роль до конца, — сказала я, перебив его, — и изображала графиню, даже если это значит, что я буду регулярно общаться с ней? Что, если она начнет задавать вопросы? Что, если она решит, что я что-то скрываю?

Гаррет усмехнулся, но его взгляд был острым, как лезвие ножа.

— Именно, — ответил он. — Ты должна быть для нее убедительней, чем завтрак на серебряном подносе. Без сюрпризов, без изменений. Только графиня и только с правильной осанкой. Не стоит пытаться быть слишком настойчивой или слишком пассивной. Нужно быть средним между ними. Но главное — ты не должна быть для нее слишком близкой и открытой. Это должно выглядеть как продолжение той жизни, которую она жила до того, как ты пришла: благородной женщины, отвечающей за множество людских жизней.

Я задумалась. Да, все это было логично, но в какой-то момент мне показалось, что я теряю свою личность. Даже если все это сон, превращаться в чью-то благородную тень мне совсем не улыбалось. Особенно если эта тень с приданным и графским титулом.

— А если я не смогу сыграть эту роль? — спросила я, не скрывая легкую тревогу. — Что если я забуду или не пойму, как правильно себя вести? Как нам предотвратить это?

Гаррет сделал паузу, задумавшись.

— Мы будем работать вместе, — сказал он. — Я буду рядом, подсказывать, направлять. Тебе нужно будет быть в курсе всего. В первую очередь, следи за ее поведением. Если она начнет что-то подозревать, сразу же сообщи мне. Я готов провести с ней несколько разговоров, чтобы убедиться, что она не заподозрит ничего лишнего.

Гаррет снова начал закручивать сюжет, будто мы около псарни с дремлющими собаками, а в шпионском романе с обязательным заговором.

— И что мы будем делать с Равенби? — спросила я, не скрывая легкое беспокойство в голосе. — С ним не общаться не получится.

Гаррет нахмурился:

— Это сложная часть. Мы должны убедить его, что графиня прямо мечтает стать его супругой и уже выбирает цвет скатертей к свадебному завтраку.

Мы, конечно, могли манипулировать и Равенби, и миссис Ротт, но каждое наше действие должно быть идеально выверено. Приходилось осваивать искусство придворной лжи быстрее, чем я успевала выговорить «фон Клыккард».

Тогда, вдруг, я услышала тихое рычание. Псы графини, которые теперь уже чаще кружили рядом со мной и оставались особенно близко, когда мы были вдвоем с Гарретом, теперь стали более настороженными. Один из них, крупный и темный, подошел ко мне, обнюхал руку и, казалось бы, принял меня за свою.

— Они... изменились, да? — сказала я, чувствуя их внимание. — Это ведь ее любимые псы? Они сразу почувствовали, что что-то не так, Гаррет.

Мужчина подошел к собакам ближе, наблюдая за ними, и его лицо немного смягчилось.

— Это хороший знак, — сказал он, пытаясь вернуть разговор к делу. — Псы графини понимают, что ты теперь здесь вместо нее. Они чувствуют, что ты не враг, а союзник. И они тоже будут твоими союзниками в этом доме. Твое взаимопонимание с ними поможет нам держать ситуацию под контролем.

Я кивнула, но сама не могла отделаться от мысли, что все вокруг начинает менять свое значение. Я не была просто Асей или графиней, теперь я была и тем, и другим одновременно.

Гаррет, заметив мои раздумья, вновь вернул мое внимание к плану.

— Ладно, — сказала я, вставая. — Пойдем поэтапно. Мы начнем с образа графини, а затем решим, как действовать с остальными.

Гаррет кивнул, и, несмотря на всю напряженность, я почувствовала, как что-то внутри меня начинает успокаиваться. Мы оба знали, что путь не будет легким, но если держаться вместе, возможно, мы сможем пройти его.

Впрочем, я не могла оставаться здесь надолго. Нужно было вернуться в особняк, где миссис Ротт все время следила за каждым шагом, и где любое изменение в моем поведении может

вызвать подозрения. Я встала, расправляя складки платья и надевая на себя маску решимости. Пора было играть свою роль дальше.

— Пойду обратно, — сказала я, не отрывая взгляда от двери. — Чтобы не вызвать подозрений.

Гаррет вызвался провести меня обратно, и мы шли молча через сад. Артур, Брут и Салли (хотя в мыслях я все еще звала их Рикки, Тикки и Тави) мелькали в тени деревьев.

Вдруг самый «дружелюбный» из псов — тот, что напоминал моего Троя — рванул к нам вперед. Он робко уткнулся носом мне в руку, потом принялся нюхать край платья, будто проверял: «Это точно ты?» Когда он, наконец, прижался ко мне лбом, я поняла — я теперь их «графиня». Или хотя бы проверенный источник лакомств.

Я не могла не улыбнуться, погладив его по голове, чувствуя его мягкую густую шерсть под пальцами. Тот же пес, который раньше мог смотреть на меня с некоторой настороженностью, теперь ласкался и вел себя как добрый охранник.

— Ну что, друг, я теперь твоя хозяйка? — мягко спросила я, а он ткнулся носом в мою ладонь, словно соглашаясь: «Теперь да».

Гаррет наблюдал за этим с легким интересом, но его лицо оставалось серьезным.

— Видишь, они тебя действительно приняли, — сказал он, не скрывая легкой улыбки. — Не переживай, с ними сильно легче, чем с людьми.

Я перевела взгляд на Гаррета: он говорил это без намека на утешение, скорее как очевидный для него факт. Он действительно знал, как действуют эти псы, и сам, похоже, с ними был на одной волне. Его отношения с ними были чем-то большим, чем просто отношения охотника и его собак. Это было нечто сродни партнерству с уважением и даже взаимной защитой.

Возле особняка псы сбавили шаг, как будто понимали — тут уже начинается другая сцена, и тут им лучше быть фоном, а не актерами. Один из них, больше всего похожий на немецкую овчарку, остановился, покачал головой и вернулся к Гаррету, взглянув на меня, как будто все, что они могли для меня сделать, они уже сделали.

— Ну что, — сказала я, когда мы подошли к двери. — Теперь мне предстоит сыграть свою роль и не выдать себя. Но, думаю, все будет нормально, если ты продолжишь помогать мне.

— Ты можешь на меня рассчитывать, — сказал он, не скрывая решимости в голосе.

Мы вернулись в особняк, и тут же из тени дверного проема вышла миссис Ротт, будто ее туда телепортировали.

— Приятно видеть, что вы живы, — проговорила она идеально поставленным ровным голосом. — Надеюсь, прогулка вас не слишком утомила? Но помните: приличия, миледи, прежде всего. Ваши подвиги на свежем воздухе — это прекрасно, но общество ждет образцового поведения.

Я глубоко вдохнула, представляя, как у меня под платьем прячется запас сарказма. Гаррет переглянулся со мной: он знал, что я уже примеряла к своему образу пару острых замечаний. Но я лишь улыбнулась:

— Спасибо, миссис Ротт. Мы с мистером Блейком ценим ваши напоминания. Он помогал мне с моими псами, а сейчас я уже готова элегантно впорхнуть на ужин.

— Что ж, это прекрасно, — сухо заметила миссис Ротт. — Я уж начала подозревать, что вы сбежали в лес и решили питаться кореньями.

Она ушла, не скрывая своего недовольства моим поведением, но тень ее пристального надзора меня не отпускала ни на секунду.

Глава 7. Все дороги ведут на ярмарку

Стоило мне только мысленно похвалить себя за более-менее приличное поведение в последние дни и отсутствие каких-либо покушений на мою благопристойность, как дверь в особняк распахнулась с таким напором, что я едва не подскочила. На пороге стоял лорд Равенби собственной персоной. Широкий, статный, немного потный, вероятно, с дороги, а может, просто от волнения. Или от возраста. Кто знает.

— Графиня, — произнес он с важностью, словно собирался предложить мне руку, сердце и копье, чтобы отбиваться от местных пиратов. — Не могу не поделиться новостью: в Клыккард прибыла материковая выставка чудес и механизмов. С ярмаркой. С театральными труппами. С летающим креслом, если верить афише. Мы не можем это пропустить!

— «Мы»? — переспросила я, чувствуя, как моя правая бровь совершает восстание. — Простите, вы имеете в виду всех жителей округа? Или меня и вас?

— Разумеется, вас и меня, — лорд чуть приосанился, будто я уже надела выходное платье и побежала за ним в карету. — Вас там будут ждать. Местные купцы, ремесленники, представители гильдий. Вы ведь лицо округа. И, — тут он понизил голос, — это отличная возможность показать всем, что с вами все в порядке.

А вот это уже звучало подозрительно, особенно на фоне того, что в последний раз, когда кто-то хотел убедиться, что со мной все в порядке, мне приложили нож к шее.

Я примирительно улыбнулась, надеясь, что улыбка эта выражает: «Ну что ж, куда деваться», а не «Чудесно, еще одна возможность опозориться».

— Превосходно, — сказала я, делая реверанс в своей голове (в реальности я просто немного повернула голову и старалась не задохнуться от душного запаха его лосьона). — Значит, ярмарка. Театр. Летающее кресло. Скажите, у них там, случайно, не будет лекций о том, как вежливо отказаться от обязательного жениха?

— Ха! — рассмеялся лорд. — Вот за это я вас и уважаю, великолепное чувство юмора. И, разумеется, нет. Лекций не будет. Но будет розыгрыш благотворительной лотереи. И, возможно, цирк.

Цирк, ну, конечно. Как будто у меня его тут мало.

— Дайте мне час, чтобы привести себя в порядок, — сказала я. — И, возможно, взять кого-то из особняка, чтобы не так уж скучно было.

Лорд кивнул и, к счастью, удалился. Я проводила его взглядом и обратилась к зеркалу.

— Ну что, Ася, — пробормотала я. — Пойдем веселиться. Летать в кресле, смотреть на факиров и молиться, чтобы не встретить кого-то, кто узнает тебя с первого взгляда.

Я уже успела переодеться в максимально достойное, максимально дышащее и максимально «не похоже, что я сейчас сбегу из Клыккарда» платье, когда услышала, как где-то у парадного крыльца лорд Равенби активно проверяет часы на цепочке и ворчит о пунктуальности. Боже, да он и в карету, вероятно, садится строго по расписанию лондонского поезда. При этом я еще не успела дойти до дверей, как меня нагнал, как гром среди ясного неба, Гаррет.

— Куда это ты собралась? — прозвучало у самого уха.

Я вздрогнула. Хорошо, что в этот раз просто от неожиданности, а не от ножа у горла. Хотя, по шкале «пугающий мужик вблизи», Гаррет все еще держался уверенно в первой тройке.

— А ты чего шепчешься, как бабка в лавке с зельями? — отозвалась я, оборачиваясь. — Стало быть, ты тоже слышал. У нас в округе случилось беспрецедентное событие. Летающее кресло, цирк, чудеса и механизмы, все как ты любишь. Меня зовут на представление. И, о радость, с почетной миссией сидеть рядом с лордом, не проваливаясь под землю.

Он прищурился, скользя взглядом по моему наряду: аккуратному, утонченному и совершенно не предназначенному для побега, хотя я бы его с радостью использовала именно так.

— Это безопасно?

— Что, платье?

— Ярмарка, — буркнул он. — Ты не думаешь, что такие сборища — лучшее место, чтобы проверить твою «настоящность»? Или, наоборот, выставить тебя напоказ.

Я тяжело выдохнула и сделала шаг вперед, будто собиралась прошагать сквозь него и все остальное сопротивление на моем пути.

— Вот мы снова здесь: ты, я, очередной повод подозревать, что я не я. Но если не я, то кто поедет на эту ярмарку и будет исполнять обязанности графини? У твоей драгоценной миледи пока, извини, нет физического воплощения. Так что придется удовольствоваться мной.

Он нахмурился, но в голосе проскользнуло что-то неуловимо теплое:

— Ты-то как будто не готова собрать все удовольствия ярмарки, как я погляжу.

— Уверяю, удовольствия я тут ни капли не испытываю. Но если хочешь, можешь пока-раулить меня возле шатра с летающим креслом. Или, не знаю, притвориться моим скучающим кавалером.

— Ты серьезно?

— Нет. Я отчаянно шучу, чтобы не паниковать, Гаррет. Держу себя в руках исключительно с помощью иронии и корсета.

Он тихо усмехнулся:

— Ладно. Езжай. Но смотри в оба. Если почувствуешь что-то странное...

— То сразу вспомню, как ты в прошлый раз пытался меня зарезать? Спасибо, память свежа.

Он наклонился ближе:

— Я тебя найду, если что. Ты ж теперь вроде как моя ответственность...

Я замерла. Он тут же отступил, будто ничего такого не сказал. А я, пошатываясь от собственного сердцебиения, спустилась к карете. Лорд ждал с кислым лицом, собаки провожали взглядом. И только в ушах звучало: «ты ж теперь вроде как моя ответственность».

Карета въехала на ярмарочную площадь под звон и треск, под крики, запахи, и ощущение, что кто-то налил в воздух шампанское вместо кислорода. Все переливалось: ткани, ленты, позолота вывесок и ярмарочных шатров, музыка то там, то тут рвалась наружу из деревянных будок. Кто-то жонглировал огнями, кто-то продавал засахаренные яблоки, кто-то громко пел о потерянной любви под аккомпанемент множества инструментов.

— Вот это да! — лорд Равенби выдохнул с таким восторгом, словно ему только что открыли портал в иной мир. — Миледи, взгляните! Да это же настоящий дирижабль! Они что, везли его через всю Европу?

— Через полконтинента, если быть точной, — не удержалась я. — Надеюсь, не на верблюдах.

Впереди возвышался шатер, украшенный флагами и гербами: знакомые орлы, витиеватые шрифты, все это говорило об одном — здесь обосновались мои далекие условные «соотечественники».

— Милая моя графиня фон Клыккард, — лорд повернулся ко мне с трепетным выражением лица. — Они узнают вас! Посмотрите, какой отклик.

И правда. Люди, в основном участники этого пестрого карнавала, мужчины в цилиндрах и женщины в корсетах, почти с карамельной доброжелательностью кланялись, здоровались по-немецки (немецкий, к слову, я знала... но только как ветеринар — «сидеть», «не кусаться», «сейчас вылечим ухо» и вот это все, что нужно в общении с немецкими овчарками). Они явно видели во мне кого-то «своего», возможно, из родовой линии, чьи связи тянулись к Рейнскому краю или Саксонии.

— Gräfin von Klykard! — прокричал кто-то с таким воодушевлением, будто я принесла с собой в корзине национальное достояние. — Willkommen! — добавили другие.

— Ну вот, — пробормотала я себе под нос. — Осталось только начать раздавать автографы на баварских сосисках.

Внутри меня боролись две части: одна с неловкостью принимала поклоны и другие знаки внимания, другая паниковала. Кто я для этих людей? Легенда? Символ? Или, прости господи, участница танцев с факелами?

— Вам идет, миледи, — лорд вдруг заговорил мягко, с почти отеческой теплотой. — Быть узнаваемой и принадлежать своим корням.

Я уже открыла рот, чтобы пошутить, что мои корни из панельной девятиэтажки в спальном районе, но в этот момент из толпы вынырнула юная девушка в национальном костюме, с венком и плетеной корзиной.

— Für die Gräfin, — сказала она и вложила мне в руки хлеб с орехами и сушеными яблоками, завернутый в вышитую салфетку.

Я почему-то растрогалась, не потому что это был хлеб (хотя пах он великолепно), а потому что никто не пытался меня разоблачить. Никто не хотел уличить, выставить, вытолкнуть. И пока лорд вел меня от шатра к шатру, комментируя каждую механическую диковину, паровую миниатюру и кукольную панораму, я краем глаза вдруг заметила фигуру у переулка.

Рубашка с подтяжками, чуть растрепанные волосы и привычный дотошный взгляд. Гаррет. Прислонившись к столбу, он наблюдал, но когда наши взгляды встретились, в его глазах было что-то вроде: «не расслабляйся, миледи. Это шоу только началось».

Но я уже шла по деревянным мосткам между шатрами, слегка отставая от лорда Равенби, который, кажется, увидел лавку с солониной и пропал в ней с видом человека, нашедшего свою миссию. Я подумала, что это мой шанс отдохнуть от его восторженных монологов о немецком паровом тракторе и «гениальной системе подвески из Карлсруэ».

Я свернула за один из ярких шатров, где, как я надеялась, продавали что-то съестное без философских комментариев. Однако оказалось, что попала в зону, где все было иначе. Меньше суеты, больше ткани и золота, но не бутафорского, а настоящего, по крайней мере, выглядело именно так. Тут пахло корицей и воском, а голоса звучали отдаленным шепотом.

Изнутри одного павильона доносилась тихая музыка. Я уже собиралась пройти мимо, но меня заметили.

— Gräfin von Klykard! — воскликнула женщина в тяжелом золотом корсете. — Невероятно, вы пришли! Хозяйка золотых земель здесь!

— Простите... кто? — переспросила я, немного сбита с толку.

Женщина поклонилась мне настолько театрально, что я едва не заплодировала.

— Хозяйка золотых земель, хранительница последней ветви рода фон Клыккард. Та, что может разбудить сокровища переселенцев. Разве вы не знаете легенды предков?

А вот теперь мое внимание полностью переключилось. Где-то в мозгу загорелась табличка: внимание, потенциально полезная безумная история!

— Допустим, я немножко подзабыла. Можете напомнить?

Женщина жестом пригласила меня в тень шатра. Внутри висели старинные гравюры, карты и стояли шкатулки, похожие на товары из антикварного магазина, где каждая вещь могла бы проклясть тебя при прикосновении. Или, в крайнем случае, утащить на бал духов.

— Переселенцы с материка — ваши предки, графиня, — начала она, обводя рукой карты. — Скрывались от преследований. Уносили с собой все ценное: золото, артефакты, книги, даже реликвии из церквей. Устроились на землях, что теперь зовутся Клыккардом и его округами. А перед смертью спрятали все. Чтобы только наследник по крови, с печатью рода, мог вернуть утраченное.

— И все это лежит где-то под носом у моих псов? — пробормотала я, оглядывая карты.
— Почему же никто до сих пор не нашел?

— Потому что нужны специальные ключи. И ключей было три. Один должен был оставаться в роду Клыккард, но о нем я ничего не знаю, второй — в частной коллекции в Эссене, третий, по слухам, здесь, на ярмарке, но никто пока не смог определить, где именно. В монете или в амулете или еще в какой дешевой побрякушке. Только потомок рода может распознать его.

Я, конечно, потомок исключительно обычной средней школы и ветеринарного техникума, но уж раз на мне висит новое благородное предназначение — грех не воспользоваться.

— Есть хотя бы имя? Или место? Где искать подсказку?

Женщина указала на карту с облупленным краем и надписью *Dreizehn Wurzeln* — «тринадцать корней». Потом коснулась старой гравюры, где была изображена долина, похожая на окрестности Мунхолла.

— Все начинается там, где корни расходятся. Говорят, один из артефактов хранился у последней ведьмы из рода Блайд, что жила у восточного склона до большого пожара. Ее дух иногда видят на рассвете. Или это пар от болот... Впрочем, легенда — дело тонкое.

Я кивнула с выражением глубокой заинтересованности, которую приберегала обычно для рассказов бабушек в очереди в поликлинике.

— Благодарю вас. Если что, я скажу своим людям... чтобы они копали аккуратно.

Я уже собиралась уйти, как вдруг за спиной раздался знакомый голос:

— Миледи... Не рановато ли копать клад, если вы еще даже не нашли саму себя?

Я обернулась. Снова Гаррет, на этот раз оперся на столб. Улыбка, в которой смешались усталость, недоверие и — как бы он ни скрывал — легкий интерес.

— А ты что, следил?

— Ты на ярмарке, а я здесь по долгу службы. Слежу за порядком и за тобой.

— Ну и следи, — бросила я через плечо, как будто он скучающий сторож у школьной проходной. — Увидимся в Мунхолле.

Гаррет хмыкнул, но ничего не ответил. Отлично. Это значит, что я выиграла раунд или хотя бы сыграла вничью.

Я пробралась обратно к ярмарочным рядам, где витрины ломаются от безделушек, ложек, подвесок и прочего милого глазу хлама. У большинства продавцов руки по локоть в серебре, лица светятся от счастья — местные жители покупали буквально все. Я уже почти прошла мимо лотка с полустертым названием, когда взгляд цепляется за одну вещь. Подвеска, металлический завиток в форме переплетенных колец и листьев, словно запутавшихся в танце. Абсолютно такая же, как на моей шее.

Мгновенно вспоминаю: это украшение всегда было при «графине». Я видела его на всех портретах. Ни разу миссис Ротт не предложила заменить его. А теперь я вижу еще одно точно такое же у обычного лавочника, между медными кольцами и пуговицами из фруктовых косточек.

— Откуда у вас это? — спрашиваю, стараясь не выдать себя.

— А, это? — старичок, продавец, поднимает глаза. — Была у нас семья переселенцев с юга, еще до чумы, оставили мне внуки мешок украшений — продай, говорят, все, что не блестит. А это никому не надо. А ведь ну и что, что старое? Зато красивое! За десять монет возьмешь?

За десять монет? Я, конечно, не знаток местной инфляции, но даже в киоске на родине за такие деньги теперь только самая простая детская жвачка доступна, и то не всегда.

— Десять? — удивленно перепросила я.

Он виновато улыбнулся:

— Да как же, я ж своих не обижаю. Вы ведь она, правда?

Я не уточняю, кто именно эта «она», только киваю. Достаю вдвое больше или даже втрое. За такую покупку не жалко, тем более деньги не мои, а вот ключ к пропавшему кладу — это уже нечто интересное.

— Спасибо вам, — искренне благодарю я мужчину. — Правда.

— Удачи, хозяйка, — прошептал он мне вслед. — И найдите, наконец, что ваше. А то лежит ведь, ждет...

Подвеска в моей ладони оказалась неожиданно теплой. Непонятно, то ли нагрелась на солнце, то ли моя кровь так разгорячилась от выброса адреналина, что теперь все вокруг казалось теплым.

Спустя полчаса я нашла лорда Равенби у палатки с жареными каштанами. Щеки набитые, рот занят, руки — тоже. Вид у него был абсолютно довольный жизнью, как у таксы после украденной баночки паштета.

— Милорд, — произнесла я с томной вежливостью, за которой старательно прятала вполне реальное утомление. — Думаю, я на сегодня получила достаточно впечатлений. Не сопроводите ли меня домой?

Он поспешно сглотнул, изящно утер губы краешком салфетки и поклонился, будто собрался везти меня на бал у королевы.

— Конечно, миледи. Было бы непростительно оставить вас без сопровождения. Хотя бы до дверей Мунхолла.

«Спасибо, что не до самых покоев, — мысленно отмечаю я. А то вдруг бы еще предложил уложить, укутав ножки в шерстяной плед».

Мы идем обратно к карете. Подвеска теперь у меня в кармане, и если это и правда один из трех ключей, то мне осталось найти еще один. Один шаг к тому, чтобы разобраться с этим телом, с этой графиней и, может быть, вернуться к себе. Хотя, если так подумать — куда именно я вообще собираюсь возвращаться?

Глава 8. Усы, лапы и хвост — вот и все документы

Стоило мне ступить за ворота Мунхолла, как троица пушистых охранников тут же вылетела мне навстречу. Псы неслись ко мне с таким восторгом, будто я была не человеком в слегка пыльном платье и с мешочком в руке, а огромной, сочной колбасой.

— Ну здравствуйте, мои клыкастые фанаты, — пробормотала я, приседая и позволяя себя слегка облизать, обнюхать и символически повалить. — Как день прошел? Укусили кого-нибудь приличного?

Рикки ткнулся носом мне в грудь — явно проверял, все ли на месте. Тави сунулся в сумочку, за что получил легкий щелбан, а Тикки, он же Брут, он же копия моего Троя, с достоинством встал рядом и, кажется, собирался проводить меня до самых покоев. Или до кухни. Или просто до чего-то интересного, по мнению собаки.

За моей спиной по-прежнему что-то бормотал лорд Равенби, кажется, на тему удивительной выразительности ярмарочного театра и невероятной насыщенности жареных орехов местного производства. Я кивала, изредка бросая в его сторону ободряющее «mmm, да, несомненно», и пыталась подгадать момент, когда можно будет скрыться с благородством, но без следа.

Момент наступил у парадного крыльца.

— Милорд, — сказала я с самой вежливой улыбкой, на какую еще была способна после многочасового балагана, — я благодарю вас за сопровождение и, клянусь, вы сделали этот день по-настоящему насыщенным. Теперь же, если позволите, я бы хотела удалиться. Силы, знаете ли, не резиновые.

Он поклонился с видом абсолютного понимания:

— Ах, как же вы правы, графиня. Уверен, отдых вам пойдет на пользу. Я сам, пожалуй, подумаю о небольшой трапезе перед сном. Может быть, кролик с пряной грушей...

Он еще что-то говорил, но я уже слегка кивнула и с решимостью сбежавшей невесты юркнула в дом.

Миссис Ротт, как это водится, материализовалась где-то на грани периферийного зрения, как внешняя проверка на чистую совесть. Я увидела, как она мелькнула в коридоре, поправляя подол фартука с выражением, от которого вянут розы и нервничают лакеи.

Но сегодня явно был не мой день для словесного фехтования с домоправительницами. Я проскользнула мимо, практически слившись со стеной, и ловко нырнула на лестницу.

Псы топали за мной, как охрана средней обученности: то есть громко и радостно. В какой-то момент один из них попытался подняться со мной по ступеням, но миссис Ротт метнула в его сторону взгляд, которым можно было бы тушить свечи. Пес сдался и повернул обратно к выходу. Умный.

Я закрыла за собой дверь в спальню, оперлась на нее спиной и выдохнула.

В руке я сжимала тот самый купленный кулон в мешочке. Но даже через ткань я чувствовала, что металл теплый, будто хранил в себе остатки чьего-то прикосновения.

— Ну что, малыш, — пробормотала я, доставая миниатюрное украшение и разглядывая тонкие завитки металла, — может, ты и есть мой билет домой. А может, билет в ад. Кто разберет, с такой-то скидкой.

Я едва успела скинуть туфли и забраться на кровать, когда по телу прокатилась странная дрожь. Ни холодно, ни жарко, а как будто под кожей кто-то проснулся и начал тихо, но уверенно чесать изнутри.

Я поерзала. Сначала все было невинно: вроде белье натирает или ткань платья колется. Потом почесала плечо. Потом спину. Потом бедро. Потом обе ноги одновременно. Через пару

минут я была похожа на утку после купания — нервную, шептуню и страстно желающую начистить все перышки до последнего.

— Ну, прекрасно, — пробормотала я. — У меня или аллергия на викторианскую пыль. Или на ярмарочные орешки, все-таки лорд съел их слишком много, надышал на меня, наверное...

Я попыталась прилечь и расслабиться, но в теле будто завелся отчет с внутренним тика-нием: все зудело, чесалось, знобило. Кожа не болела, но ощущалась как будто была чужая.

Покатавшись на кровати, как неудавшийся блин на сковородке, я встала и подошла к окну, приговаривая про себя:

— Так, Ася. Ты взрослая женщина. У тебя просто истерика. День был насыщенный. Собаки, лорд, ярмарка, древние загадки, подвески и упоминания сокровищ. Ну не могла ты буквально сойти с ума за пару часов. Это усталость, ничего такого.

Я распахнула шторы и замерла.

Надлесом поднималась луна. Полная, крупная, будто художник на небесах решил немного переборщить с эффектами. Свет от нее был не просто яркий, он был... живой. Он обволакивал все вокруг и звал куда-то, обращаясь именно ко мне.

Я не знаю, сколько стояла у окна. Секунду? Вечность?

В какой-то момент я поймала себя на том, что руки сжаты в кулаки так, что ногти впи-сывают в ладони, плечи напряжены, губы приоткрыты.

Мурашки пошли по коже резкой волной, но не от холода. Игнорировать все эти ощущение никак не получалось.

— Нет-нет-нет... — прошептала я, делая шаг назад от окна. — Ты что, серьезно, Вселенная?

Ответа не было, на меня все также смотрела только полная луна. И ощущалось это нестерпимое, дикое, животное желание выйти наружу.

Я сделала шаг назад, еще один... Но тело вдруг стало непослушным. Пульс в висках отдавался глухо и странно — будто сердце решило сменить ритм на какой-то совсем не человеческий. Я схватилась за край туалетного столика, но пальцы... пальцы словно стали короче? Или крепче? Или... когти?

«Так. Нет. Стоп. Эй!» — хотела я сказать, но рот не послушался. Вместо слов из горла вырвался хрип. Я отшатнулась, ударилась спиной о комод, с трудом удержалась на ногах, которые стали слишком устойчивыми. Слишком крепкими. И как будто не двумя конечностями я сейчас стою на полу, а всеми четырьмя.

Все происходило мягко, как будто давно запланировано. Мои кости не хрустели, не ломались, они просто менялись. Я почувствовала, как по телу прокатывается жар. Шерсть. Это была шерсть, я чувствовала ее — тонкую, шелковистую, теплую, как плед из альпаки на старом диване в доме бабушки. Она появилась у меня на шее, потом на плечах, потом по всему телу, как будто меня укутали в живой мех.

«Ася, ты точно в коме. Это сон. Самый глупый, самый подробный, самый чертов нелепый...»

Я подняла взгляд, встретила глазами с зеркалом и замерла.

На меня смотрела волчица. Огромная, грациозная, как будто вышедшая из мифов. Какая-то дымчато-песочная, с рыжими подпалинами на ушах, груди и хвосте. Глаза ее были моими — живыми, испуганными, изумленными. И все же волчьими. Широкими, блестящими, внимательными.

Это я.

Нет, правда. Это была я.

И что теперь, Ася? Бежать в лес? Выть на луну? Научиться охотиться на белок и избегать серебряных пуль и деревянных кольев?

Я вглядывалась в отражение, и с каждой секундой узнавание росло.

Это было не чужое тело, а мое новое. Чужое, но не враждебное. Сильное. Податливое. Инстинктивно знакомое. Даже слишком.

Господи, только бы миссис Ротт сейчас не зашла...

Я продолжала смотреть на свое отражение, пока сердце не перешло в какой-то неземной, спокойный ритм. Будто приняло новое состояние как норму. Будто волчица внутри сказала: «Ну все, хватит паниковать, давай двигаться», и я двинулась.

Лапы. У меня же были лапы!

Попробовала сделать шаг, и, нет, не завалилась. Лапы работали, неуверенно, немного попластилиновому, как у неумелого щенка, но работали. Пройди сейчас мимо миссис Ротт, она бы точно решила, что у графини не только нрав дурной, но еще и бешенство в активной фазе.

Но все-таки я пошла, стараясь не задеть мебель. Как ни странно, телу хотелось только одного: на улицу. К воздуху. К луне. К деревьям. Ну кто я, в конце концов, чтобы отказывать себе в этом удовольствии? Цивилизованная женщина или... ну, вот это вот.

Я подкралась к двери спальни. Ну, ладно, не подкралась, а приблизилась с величественным видом заплетающихся лап, будто всегда так делала. Привстала у двери на задние лапы, передней нажала на ручку. Ручка поддалась.

Отлично. Лапы выиграли у дверей со счетом один-ноль.

Тихо, как только могла, пошла по коридору. Шаги были тихие, но я каждую доску чувствовала, как нерв. Один поворот, второй... Лестница.

И тут раздался голос где-то внизу.

— Полагаю, графиня ведь еще уснула? — звучал голос лорда Равенби.

— Она в своей спальне, милорд, отдыхает и уже не принимает гостей, — хладнокровно отвечала миссис Ротт.

Сдавать назад уже было слишком поздно. Я замерла у поворота. Тело среагировало быстрее, чем мозг. Я сделала шаг назад и сорвалась с места. Летела прямо по ковру, вниз по лестнице, не думая. Кто-то ахнул — быть может, слуга или сам лорд, — но я не останавливалась. Там, впереди, было открытое окно. Полная луна сияла в нем как дорожный знак: выход там.

Я прыгнула.

Порыв ветра подхватил меня в полете, и вот я уже не графиня, не Ася и не человек приземлилась на землю.

Я волчица, летела над клумбами и гравием, приземлилась мягко, точно, пробежала по тропе в сторону леса. Тени деревьев тянулись ко мне, трава была мокрая под лапами, в ушах слышалось собственное дыхание.

Но мне было хорошо. Чертовски хорошо.

Лес что-то шептал мне, луна улыбалась. А я бежала, и впервые за весь этот безумный викторианский спектакль чувствовала, что сама себя догнала.

Я бежала, пока лес не обнял меня целиком: влажной листвой, шорохами в кронах и каким-то почти щемящим спокойствием. Интересно, у волков это всегда так? Или это бонус новичкам?

Шорох.

Еще один.

Я замерла, присела чуть ближе к земле, уши настороженно встали. Мгновение, и из кустов показались они — верные хвостатые спутники графини.

Первым подскочил Салли, виляя хвостом, ткнулся носом мне в шею, завизжал от восторга и сделал круг. Брут аккуратно обошел сбоку, принялся, а потом важно кивнул, будто говорил: «Графиня вернулась, все в порядке». Артур подошел ближе всех и положил морду мне на плечо, да, на волчье плечо, хотя это и не совсем анатомически корректно.

Возникло очень конкретное чувство, словно я часть чего-то большего. Часть стаи. Ритм дыхания моего и псом, движения, даже молчание — все было едино. Три собак... нет, теперь четыре, ощущались слаженным механизмом.

Я носилась с ними, как в детстве с соседскими дворнягами, только теперь у нас не было ни поводков, ни людей вокруг, ни даже слов. Только мы, ночной лес и луна над головой. И я ловила себя на том, что улыбаюсь.

Если, конечно, волчицы вообще умеют улыбаться. Мысленно уж точно.

Но потом в животе заворочалась мысль. Тяжелая, как ненужный булыжник в кармане.

«Аська, милая, все хорошо. Только ты проснулась волчицей. И это явно не просто гормональный сбой. Это мистика. Преображение. Колдовство. А может, вообще... генетика?!»

Мне срочно нужно было к Гаррету. Он ведь все знал про графиню. Он же первый ткнул меня ножом в шею, так сказать, с любовью и заботой. Уж он точно объяснит, почему я теперь в мехах, а не в сорочке. И что вообще делать, если в паспорте *homo sapiens*, а в зеркале — рыжая волчица с глазами цвета кофе с молоком и куркумой.

Я повернулась к троице.

«А ну марш домой», — мысленно приказала я, уверенно подняв голову.

Они послушались, один за другим скрылись в кустах, бросив напоследок взгляды: «Ну ты давай, разберись, хозяйка».

Я же без оглядки, на мягких лапах, но с твердым намерением понеслась к домику Гаррета. Не знаю, спал ли охотник в три ночи, но если не спал, ему очень срочно пришлось бы объясняться. Хотя бы ради сохранности своей и моей шкуры.

Дом Гаррета выглядел мирно, даже скучно. Ни огонька в окне, ни скрипа половиц, ни характерного стука сапог, в общем, было понятно, что человек внутри либо спал, либо умер от усталости.

Я подкралась к двери и, как могла ловко, постучала лапой один раз и выдержала паузу. Второй раз с нарастающей интенсивностью. Ноль реакции. Ну да. Кто ж ночью ждет гостей с хвостом и серьезным разговором о метаморфозах? Ну давай, умная, придумай, как открыть дверь без пальцев.

Попробовала царапать дверь. Шорк-шорк-шорк получился громким. Вот уж волчья когтистая изысканность в действии. Но внутри все равно не раздалось ни единого звука.

Обошла дом. Все окна закрыты ставнями, в единственной окошке без них шторы плотно притянуты друг к другу. Гаррет, судя по всему, практикует викторианскую паранойю в полной мере.

Теперь уже я попробовала легонько поцарапать подоконник. Потом с нарастающим раздражением. Потом с отчаянием. Вот сейчас точно лапу сломаю... А потом я взвыла.

Сначала тихо, почти изыщно. Ну, насколько вообще возможно «изыщное завывание». Но внутри у меня прям сформулировалась отчаянная мольба, и я ее выдала в голос:

— Ау-у-у! Ну открой уже, я превращаюсь в ночной позор округи!

Ну ладно. На самом деле прозвучало это как: «Аууууууууууууууууууууу-у-у-у», с душой, с хрипотцой, с приличным таким посылом тревоги и эмоции.

Через три секунды в доме что-то загремело. Окно хлопнуло, где-то залаял... нет, зарычал человек. Потом скрипнула дверь. И в проеме, в рубашке, мятом халате и с охотничьим ножом наперевес, возник Гаррет Блейк.

Он застыл, увидев меня. Я уже приготовилась к грандиозной сцене, но он, вдохнув носом, закатил глаза и процедил:

— Ты.

А потом вдруг заорал, сдержанно, но как-то от сердца:

— Ты что, совсем?! Это тебе не собачий клуб! Кто тебя учил выть под окнами в полный голос, а? Сейчас миссис Ротт инфаркт получит, и что я ей скажу? Волк пришел на чай?! — он схватил меня за загривок, вроде бы даже ласково, как уставший отец схватил ребенка, укравшего банку варенья. — Живей в дом, пока кто-нибудь не вышел с ружьем. И ты мне потом объяснишь, что за чертовщина происходит.

Я радостно фыркнула, почти проурчала что-то вроде «угу», и шмыгнула внутрь, стараясь не наступать на ковер. А то еще подумает, что я тут с грязными лапами его приличную жизнь топчу.

Гаррет хлопнул дверью за мной и запер все щеколды, какие только были. И, кажется, еще поставил веник у двери, который, возможно, работал с оборотнями, как чеснок с вампирами...

Глава 9. Волк — это тоже дама, если хорошо воспитан

Я сидела в центре комнаты, чинно поджав лапы и обвив хвост вокруг них, как будто это не я в виде огромной волчицы, а вполне обычная утонченная барышня, ждущая подачи чая. Разве что пить из чашки с когтистыми лапами и клыкастой пастью я пока не пробовала, но, уверена, при должной мотивации и к этому приду.

Гаррет метался по комнате как ошпаренный. Кажется, он даже слегка подвывал, но эмоционально, не вслух (или же мой обостренный волчий слух улавливал даже его едва слышное поскуливание).

— Да ты понимаешь вообще, *что* ты натворила?! — все-таки не сдержавшись, всплеснул он руками, буравя меня возмущенным взглядом. — Превращаться посреди обычной ночи! Почти на виду у всех! Ты с ума сошла? А если бы тебя увидели?

Я аккуратно моргнула, изобразив: «*Ну извини, не удержалась*».

— Это же Мунхолл, здесь хоть и глушь, но слухами все стены дышат! — он прошелся туда-обратно и ткнул пальцем в окно. — А если бы миссис Ротт вышла за ромашкой, чтобы успокоиться перед сном? Или этот вечный Равенби вдруг зашел «пожелать спокойной ночи»? С твоим-то обаянием, небось, лапу бы ему подала!

Я издала что-то среднее между фырком и тихим вздохом. Серьезно, у этого мужчины была ярко выраженная театральная жилка. Ему бы не в охотники, а на подмостки.

Из-за двери послышалось протяжное поскуливание: сначала один голос, потом еще два. Мои пушистые товарищи явно чувствовали себя отлученными от этого увлекательного представления.

«*Извините, ребята, только по спецпропускам*», — подумала я и покосилась на дверь.

Гаррет уловил мой взгляд:

— Не вздумай! Еще только тебя не хватало на прогулке с трио этих незаметных, как медведи, хвостов!

Я демонстративно повернулась к нему мордой и попыталась изобразить максимальную заинтересованность в его словах и все возможное благоразумие. Примерно так, как это делают очень вежливые волки на приемах у королевы. Если такие, конечно, существуют.

— Что мне теперь с тобой делать... — пробормотал он, снова начиная свой моцион по комнате.

Я мысленно подумала, что *идеально вышитый волчий ошейник с золотым тиснением «не превращаться в полнолуние»* был бы весьма кстати, но промолчала.

— Ну? — Гаррет остановился передо мной и скрестил руки на груди. — Чего ждешь? Обращайся давай.

Я медленно наклонила голову набок с выражением вселенского непонимания. А потом еще приподняла брови. Ну, одну бровь, насколько смогла. Если точнее, верхнюю часть левого надглазного волосяного покрова. Кажется, получилось выразительно.

— Ты... — он замер. — Ты что, не знаешь как?!

Я опустила уши и виновато моргнула. Типа: «Ой».

Гаррет выругался так тихо, что даже миссис Ротт, будь она за дверью с ухом на стакане, не услышала бы, а потом с пафосом принялся объяснять, что делать, будто вел лекцию по квантовой анатомии:

— Так. Думай о себе как о человеке. Вспоминай ощущения. Руки, ноги, одежду, волосы. Как ты дышишь. Как стоишь. Как ругаешься на меня, это, кстати, должно особенно помочь.

Я почти кивнула, во всяком случае подбородок чуть подпрыгнул. Типа: «Да-да, все поняла», но ничего делать не стала.

Гаррет сузил глаза:

— Ты чего тормозишь?

Я, привстав со своего места, медленно повернулась вокруг себя. Показательно остановилась. Потом снова повернулась на месте, демонстрируя шкурку во всей красе. Подошла чуть ближе, вытянула переднюю лапу и ткнула в сторону окна, где вдалеке едва мерцал особняк. Там, где осталась вся моя одежда.

Гаррет прищурился и выпрямился, пытаясь перевести мою пантомиму. Потом закатил глаза так сильно, что, вероятно, увидел свой внутренний космос.

— Вот же... — он резко развернулся, подошел к комоду, открыл его и начал яростно рыться внутри. В процессе отчаянного поиска бормотал себе под нос что-то про «некстати благородные приличия», «волчьи манеры» и «графини без портков».

Наконец, он вытащил какую-то рубашку (явно не глаженую) и брюки, в которых можно было хоть навоз грузить, хоть в оркестре играть — настолько они были универсальны, если не сказать нищенски просты.

— На. Лучше не нашлось, — буркнул он, положив одежду на пол передо мной. — Давай. Я отвернусь.

Он сделал шаг в сторону и демонстративно устался в стену, будто именно туда была приколочена его совесть, которую теперь он так сосредоточенно искал. Я посмотрела на щедрым жестом предоставленную мне одежду. Потом на Гаррета. Потом снова на одежду. Потом собрала волю в хвост и подумала о пальцах, настоящих человеческих пальцах.

Я сосредоточилась, даже закрыла глаза. Представила пальцы во всей их красе. Представила ладони. Представила, как дергается бровь, когда я злюсь. И... ничего. На полу я все еще сидела своей меховой жопкой, а вместо длинных человеческих пальцев чувствовала мягкие подушечки лап, обильную шерстистость и когти.

Попробовала снов, но на этот раз поднажала. Напрягла уши, хвост, даже те самые зло-счастные когти. Потом еще и фыркнула для чистоты эксперимента.

Потом чуть привстала и подрыгала задней лапой, как будто хотела сдвинуть себя с мертвой точки через анатомическое (вместо вербального) «ну давай же!». Все еще ничего не происходило.

Из горла вырвалось нечто среднее между капризным рычанием и обиженным ворчанием. И спустя мгновение я зарычала на себя уже по-настоящему. Так, Ася, соберись. Где твоя сила воли? Где твой контроль? Где твой проклятый человеческий мозг? Сколько собак на своем веку усмирила и успокоила, а тут всего лишь одно псовое...

Ответом мне было только вторящее тихое поскуливание снаружи. Кто-то из псов, похоже, морально страдал за компанию.

Я плюхнулась обратно на пол, обвила хвостом лапы и глубоко вздохнула. Где-то в уголке сознания всплыл мелодичный голос с легким акцентом искусственного интеллекта:

«А теперь расслабьте шею... отпустите напряжение... почувствуйте, как ваше тело растворяется в пространстве...»

Спасибо, приложение «Медитация для выгоревших». Кто бы мог подумать, что ты пригодишься во время кризиса идентичности викторианского оборотня.

Я вдохнула и выдохнула, отпустила страх и представила, как вдыхаю... человечность? Ну, допустим. Поняла, как смешно это звучит, и даже мысленно засмеялась, а снаружи просто дернулась ухом.

И вдруг как будто разом с меня соскользнул весь мех. Вспышка в глазах. Рывок вверх и снова все затихло. Я стояла на двух ногах в теле, которое снова было моим. И абсолютно голой.

Сквозь тонкую ткань занавесок из единственного «незаколоченного» окна падал мягкий свет. Я машинально прикрыла грудь руками. Потом перевела взгляд на Гаррета: его спина по-прежнему была каменной, напряженной, как у человека, который не собирается поворачиваться ни при каких обстоятельствах.

— Я снова человек! — радостно объявила я, сдерживая смех. Голос звучал хрипло и по-волчьи иронично.

Он чуть дернулся, но остался стоять.

— Оденсья сначала, — буркнул он.

Я хмыкнула, подбирая с пола одежду и быстрым движением натянула его охотничью рубаху. Она была великовата, с широкими плечами, длинными рукавами и запахом костра, табака и леса, но все равно на удивление уютная. Почти как те старые растянутые и самые любимые джинсы, в которых я когда-то спасала первых своих щенков, клеила обои, а потом ела мороженое на улице по ночам много-много лет подряд.

Пояс на брюках тоже оказался, скажем так, символическим. Но я все-таки его затянула и, откинув волосы назад, вальяжно уселась на лавку у стены. Подтянула колени и, глядя на Гаррета, выдала самую спокойную и невинную интонацию, на которую была способна:

— Ну, так что это было, мистер Блейк? Новый способ зоотерапии? Или вы всегда так встречаете женщин на рассвете?

Он стоял у окна, нервно почесывая висок и будто пытаясь решить, не сбежать ли ему через чердак. Наконец он все-таки краем глаза взглянул на меня, как школьник, проверяющий, закрыта ли тетрадка с контрольной у соседа.

— Ты точно... — начал он и осекся. — Одета?

Я посмотрела на себя. Плотная рубаха, подпоясанная ремнем, торчащие рукава, мешковатые штаны с подворотами, изо всех сил затянутые на талии... И, что уж скрывать, босые ноги, потому что обувь мы не предусмотрели.

— Почти как на бал, — кивнула я. — Только без хрустальных туфелек.

Он вздохнул, развернулся, оперся о стену и заговорил уже спокойнее:

— Я не думал, что это начнется. Графиня превращалась только по собственной воле, без влияния луны. У нее это было... под контролем.

— А у меня, видимо, не очень, — заметила я иронично.

Он посмотрел на меня с сожалением, но без снисходительности:

— Это моя вина. Я не подумал, что новая... жительница этого тела, — он будто проглотил слово постоляница, — тоже будет уязвима к звериному инстинкту. Или что тебе не скажут, как это работает.

— Ну да, — пожала я плечами. — Ни мануала, ни инструкции. Даже кнопки «отмена» не было. Да и кто бы мне рассказала?

— Я должен был предупредить, — буркнул он.

— Лучше поздно, чем в окно, — хмыкнула я и потерла локоть, который все-таки приложила при своем эффектном прыжке в зверином облике.

Он посмотрел на меня с таким выражением, что я вдруг поняла — он не просто зол или испуган, он переживал за меня. А я здесь являю, как будто это просто еще один четверг в теле графини-оборотня, которая годами бегает на четырех лапах по всем окрестным лесам.

— Ладно, — сказала я мягче. — Мы оба ошиблись. Но теперь-то мы уж точно в одной лодке. Или в одной стае, если уж быть точнее.

Глава 10. Ночная школа оборотней

Ночь обещала стать еще более увлекательной, ведь с моим обращением мы все еще не разобрались. Гаррет сел на табурет рядом, все еще не сводя с меня глаз, как будто я могла снова превратиться прямо у него на глазах и укусить за нос. Впрочем, для этого мне не нужно было превращаться.

— У каждой крови свои законы, — начал он наконец. — Эллинора родилась оборотнем. Это часть ее, как голос или цвет глаз. Ее отец был... не совсем человек. Точнее, не человек совсем.

— Это многое объясняет, — кивнула я, закатывая длинный рукав, — но все же не дает мне инструкции: как не превращаться в волка при каждой полной луне или при виде особенно бесчестного лорда.

Гаррет усмехнулся, но тут же снова стал серьезным:

— Наследственная оборотничья сила работает по-разному. Эллинора училась контролю с детства. Ты... — он на секунду запнулся, — ты в ее теле, но не с ее опытом. Для тела твоя душа чужая. Ее зверь еще не знает, как тебя слушаться.

— Прекрасно, — пробормотала я. — Даже мой внутренний волк считает меня самозванкой.

— Но он тебя уже не отвергает, — добавил Гаррет. — И это значит, что у тебя есть шанс. Можно сказать, ты ему нравишься.

— Очаровательно, — снова отозвалась я. — У меня практически роман с волком чужой женщины.

Он усмехнулся в ответ, чуть ли не впервые по достоинству оценив мою шутку.

— Если хочешь, я могу показать тебе, как управлять этим. Постепенно научить чувствовать момент, когда он приближается. И, главное, как не сорваться, если не хочешь.

— А если захочу?

— Тогда будем искать твои штаны по всему лесу, — сказал Гаррет серьезно, но с блеском в глазах.

— Ладно, учитель, — вздохнула я, — открывай свой ночной университет. Только предупреждаю: за плохую дисциплину я обычно бросаюсь тапками.

— Ну так-то я должен следить за дисциплиной, — буркнул он, вставая. — Начнем с самого простого. Слушай тело.

Он провел меня к потрепанному временем зеркалу, которое все еще отражало все окружающее вполне справедливо и правдиво. Я увидела, что мои глаза стали чуть ярче, зрачки — круглее, лицо как будто чуть изменилось в сторону звериного, заострилось, стало хищным, только на грани, едва уловимо. А вот местных охотников мне, конечно, совсем не шла.

— Тебе нужно поймать грань между собой и зверем. Почувствовать, где начинается сдвиг. А потом, главное, не давить и не пугаться. Нужно соблюсти баланс, — начал наставления охотник.

— Великолепно. Это же все равно что научиться держать баланс, стоя на шаре, и одновременно жонглировать енотами.

— Енотами? — недоуменно переспросил Гаррет.

— Не спрашивай. У меня странный бэкграунд, — отмахнулась я, уже вовсю погружаясь в ментальное «жонглирование».

Мужчина легко и успокаивающе провел рукой по моей спине, без подтекста, лишь ради поддержки:

— Попробуй сейчас. Ты на пике, волчица только что выходила наружу, она рядом и отзовется.

Я закрыла глаза, представила, что кто-то делит со мной одно тело, живет где-то внутри, дрожит мурашками по моей коже. И этот кто-то не страшный, хотя и немного диковатый.

Что-то внутри меня шевельнулось. Плечи заныли, кости будто попросили согнуться. Я отступила, испугавшись ощущения бесконтрольности.

— Нет. Не хочу снова потерять контроль, — честно призналась я, отворачиваясь от зеркала.

— Так не теряй. Просто позволь волчице быть рядом. Не обязательно превращаться. Дыши с ней вместе.

Я сделала вдох, такой медленный, какой только могла, как учили в дурацких медитациях из моего старого приложения. Выдох и еще раз по кругу. И вдруг поняла, что слышу не только свое дыхание, но и еще один ритм. Как будто за моей грудной клеткой билось второе сердце.

— Вот, — Гаррет поймал мой взгляд. — Вот сейчас ты на грани. Даже я это вижу.

— А дальше?

— Дальше ты учишься там жить и не бояться. Знать, что она лишь часть тебя, а не враг.

— Даже если она рычит, когда я вижу лорда Равенби?

— Особенно тогда, — он рассмеялся. Звук получился усталый и хриплый звук, но все равно приятный. — С ним, кстати, определенно нужно что-то делать.

Когда Гаррет ушел в соседнюю комнату за каким-то *«заметками графини по самоконтролю»* (да-да, дневник трансформаций — поэзия жизни), я осталась одна. И вот тут меня и накрыло.

Сначала просто я почувствовала легкий зуд в кончиках пальцев, такой слабый, что подумала — померещилось. Но ощущение было хоть и слабое, но вполне конкретное, будто ногти хотели вытянуться и стать когтями. Потом послышался такой же легкий звон в ушах. И наконец во всю силу проявилось то самое ощущение изнутри, будто кто-то тянет за невидимые нити моего тела, и, если дернуть, разорвет меня по швам, и нечто дикое и лохматое вылезет наружу.

Я села прямо на полу, поджала ноги, обвив их руками, как кошка (или, вернее, собака?) хвостом, и уставилась в пламя очага.

— Ну что, моя пушистая подруга, — обратилась я в никуда. — Выйдешь, если я позову? Ответа, конечно, не последовало. Я глубоко вдохнула, так, чтобы запахи стали отчетливей: лес, пепел, трава, Гаррет...

И вдруг — хлопок в голове, как будто мир перевернулся.

Нет, я не обратилась, но быстро поняла: вполне могла бы и даже не испугалась.

«Это и была та грань?» — подумала я. — *Граница, где ты еще не зверь, но уже и не только человек?»*

Меня потрясла не волчья часть моего нового существа, меня потрясло то, как легко я могла бы ее принять. Видимо, сказались все-таки годы работы ветеринаром.

Когда Гаррет вернулся, с ворохом бумаги и серьезным видом, а я сидела на том же месте, только теперь, видимо, с совсем другим выражением лица.

— Ты пробовала? — спросил он, чуть настороженно, явно понимая, что что-то произошло.

Я кивнула.

— Получилось?

Я кивнула снова.

— Перевоплотилась?

— Нет. Но я поняла, как это делается. Почти.

Он посмотрел на меня с тем уважением, которое обычно оставляют для диких кошек, в благодарность за то, что те согласились не откусить тебе лицо.

— Значит, ты действительно подходишь ей, — он говорил медленно, обдумывая каждое слово. — Возможно, она сама выбрала тебя.

Я пожала плечами. Внутри все еще вибрировало.

— Или мы просто договорились. Как соседи по квартире. Только с клыками.

Гаррет осторожно опустил на стол пухлую тетрадь, явно повидавшую не один волчий коготь.

— Это ее. Дневник трансформаций, — он чуть замялся. — Может, тебе поможет.

Я перелистнула пару страниц. Аккуратный женский почерк, местами слегка размазанный, местами — с восклицательными знаками и подчеркиванием. И вдруг — запись, окруженная декоративными завитушками, как будто кто-то рисовал на скучной лекции:

«Если чувствуешь, что вот-вот сорвешься — выпей мятного настоя, подумай о чем-то приятном и не грызи гостей. Особенно тех, кто в тебя влюблен. Они потом очень неловко смотрят в глаза».

Я фыркнула.

— Мятный настой? Серьезно?

— У нее это работало, — пожал плечами Гаррет. — Иногда.

Я отложила дневник и подняла брови.

— А если у меня вместо мятного настоя только ты и твой запах лосятины?

Он криво улыбнулся:

— Тогда просто не грызи меня.

— Ладно, но только потому, что ты полезный.

— И симпатичный, — добавил он слишком быстро, чтобы это было только шуткой. Видимо, в своей привлекательности он был более чем уверен.

Я только усмехнулась и снова уткнулась в дневник. Страницы шуршали под пальцами, а мысли собирались в какие-то новые образы и представления об этом странном мире.

Я вернулась в особняк под утро, тихонько, стараясь не скрипнуть ни единой половицей и не разбудить дом, который, по всей видимости, все равно не особо-то и спал. Мунхолл умел следить за происходящим даже без глаз и ушей. Вот шутят в моей современности про бабушек на лавочках, которые заменяют систему видеонаблюдения, но это просто еще никому не удалось столкнуться с миссис Ротт — вот уж настоящая охранная система во всей красе.

Впрочем, что удивительно, до спальни я добралась незамеченной, и это показалось почти чудом. Собаки, устроившиеся у камина, лишь лениво шевельнули хвостами: свои, мол, пришли. Уже у кровати я бросила охотничью куртку Гаррета на спинку кресла, прошмыгнула в ванную, кое-как отмыла руки, еще недавно бороздившие плодородные лесные почвы, и лицо (и обнаружила пару странных царапин, будто ветки проводили со мной весь убедительную воспитательную беседу), и, наконец, рухнула в кровать с тем самым драматичным вздохом, на который была способна только графиня, пережившая очередную ночь в лесу.

Перед тем как укрыться, я выковырнула из волос пару сухих листиков. Один был особенно упрямый: зацепился где-то за затылком, словно прирос к моей новой природе.

Подушка пахла странно, не духами, не цветами, а чем-то сладким, почти древесным. А еще воспоминаниями. Не знаю, говорило во мне мое обострившееся чутье или усталость, которая была бы рада сейчас любой подушке, но я вжалась в нее лбом, и мир поплыл.

Мне приснилась графиня.

Не в образе волчицы и не в виде голоса или шепота где-то на задворках моего мозга. Нет, она стояла передо мной, живая, почти неотличимая от моего отражения, разве что взгляд был другой, более глубокий и полный чего-то такого, что ни один онлайн-психолог по видеосозвону не объяснит.

— Ну что, — сказала она, сложив руки за спиной. — Поздравляю. Ты попробовала, что такое быть свободной.

— Ты имеешь в виду, что я попробовала носиться голышом по лесу в теле чужого человека?

— Я имею в виду, что ты попробовала почувствовать себя частью чего-то большего, — мягко поправила она. — Ты выла не потому, что хотела привлечь внимание. Ты выла, потому что не могла молчать.

— И что теперь? Мне завести волчью философскую колонку в местной газете?

Графиня ласково улыбнулась, почти по-матерински. Впрочем, если учитывать текущий век, она же и годилась мне в какие-нибудь пра-пра, так что это было понятно.

— Теперь ты сможешь по-настоящему понять, что значит свобода для меня. И что она значит для волка.

Я хотела что-то спросить — про легенду, про амулет, про то, как мне жить в ее жизни и не запутаться — но она уже начинала таять, точно дым от задутной свечи.

— Подожди! — крикнула я. — Ты не можешь просто вот так исчезнуть!

Но все, что мне осталось во сне, это легкий ветерок и тихий голос в голове:

— У тебя есть ключ. Теперь найди дверь.

Глава 11. На четвереньках по Клыкардскому саду

Проснулась я от легкого постукивания в дверь. Но кто-то со стороны коридора не просто стучал, а делал это почти музыкально, выдерживал нужные паузы, чтобы попасть в особенно аристократический ритм, и проявлял весьма драматическое терпение. Впрочем, терпения этого надолго не хватило.

Я только приподнялась на локтях, как дверь приоткрылась, и внутрь шагнула миссис Ротт. У нее был т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.